Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург

ТРУДЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ТОМ XIV

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН: ИНСТИТУТЫ, ЛИЧНОСТИ, УЧЕНИЯ

(материалы межвузовских научных конференций 2020–2021 гг.)

Санкт-Петербург
2022

Труды юридического факультета. Т. XIV: Государство и право в условиях перемен: личности, институты, учения: Материалы межвузовских научных конференций 2020–2021 гг. / Ред.: А.В. Закревский, Р.Ю. Почекаев, А.С. Туманова. – СПб., 2022. – 129 с.

Сборник включает в себя материалы межвузовских научных конференций студентов и молодых ученых «Роль личности в развитии государства, права и политико-правовых учений: история и современность» (весна 2020 г.) и «Институты российской государственности в условиях перемен первой трети XX в. (к 115-летию издания «Основных государственных законов Российской империи» 1906 г.)» (14–15 мая 2021 г.), прошедших на Юридическом факультете НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

© Авторы публикаций, 2022

© НИУ ВШЭ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Роль личности в развитии государства, права и политико-правовых учений: история и современность **5**

Абрамовская М.С. Процедуралистская парадигма юридической рациональности в философии Юргена Хабермаса 5

Белов М.А. П. Бурдье: обновление юриспруденции на почве социологии 11

Двойников А.И., Смирнова М.В. Роль А. Гамильтона в развитии государственности США и политико-правовой мысли 22

Кузнецов Н.А. Роль личности в формировании обычая на примере истории развития Сунны 27

Лысова М.В., Матисон С.С. Роль М.М. Сперанского в сфере реформирования государственного управления: история и современность 37

Сабирова Р.Р. С.Ю. Витте как один из основоположников российского конституционализма 44

Часть II. Институты российской государственности в условиях перемен первой трети XX в. **50**

Абрамовская М.С. Изменение государственной политики в отношении подданных иностранных государств в период Первой мировой войны на примере Российской империи 50

Белов М.А. Идеологические основания функционирования государства в теоретической мысли М.А. Рейснера 58

Гужавина А.М. Институциональное оформление молодежной политики советского государства в первой трети XX века 64

Зобнин В.С. Взгляды А.С. Ященко на конфедеративное устройство 75

Козлова А.В. Решение «женского вопроса» в большевистском законодательстве в первые годы после Октябрьской революции 86

Сковинская Е. Политико-правовые аспекты государственного регулирования национального процесса в рамках политики коренизации: фено-

мен украинизации и казахизации 98

Часть III. Исследования сотрудников юридического факультета 107

Закревский А.В. К вопросу о выделении форм территориального устройства государства 107

Тутаев И.В. Новогодний праздник как основание привлечения к ответственности по Уложению китайской палаты внешних сношений 123

Сведения об авторах 129

ЧАСТЬ I
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.С. Абрамовская

Процедуралистская парадигма юридической рациональности в философии Юргена Хабермаса

Конфликт между интересами политических структур и гражданами изучается постоянно и всесторонне. Он находит свое отражение во многих работах социальных философов, в том числе и в трудах немецкого мыслителя Юргена Хабермаса, одного из самых значительных философов современности. По словам самого Хабермаса[1], его взгляды постепенно менялись, несмотря на полученное им традиционное немецкое университетское образование, от гегелевско-марксистских в сторону критической теории в духе Франкфуртской школы. С течением времени, освобождаясь от влияния франкфуртцев, Хабермас пришел к теории коммуникативного действия, в которой на базе теории рационализации общества Макса Вебера рассмотрел основные вопросы этики, теории языка и деятельности, понятие разума и т.п. Центром его теории становится понятие коммуникативной рациональности, объединившее различные импульсы отдельных научных дисциплин[2].

Хабермас настаивает, что для решения конфликта между бюрократическими структурами и властью необходим конструктивный рациональный диалог между акторами – участниками коммуникации. Описывая идеальную модель новой политико-правовой действительности, ученый вводит такое понятие как «процедуралистская парадигма юридической рациональности», подразумевающее под собой целый комплекс процессов и явлений,

[1] *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 107.

[2] Там же. С. 108.

совокупность которых необходима для достижения преодоления конфликта интересов.

Этот термин был введен в работе «Faktizität und Geltung»[1] (в русском варианте – «Фактичность и значимость»), где ученый не только раскрыл свой взгляд на дальнейшее развитие современного права, но и спроектировал модель нового демократического (делиберативного) устройства общества в контексте коммуникативной теории. По мнению автора статьи, понятие «процедуралистская прадигма юридической рациональности» представляет собой совокупность определенных обстоятельств, общественных ценностей и уровня развития социальных институтов, которая позволяет участникам взаимодействия выстраивать конструктивный диалог друг с другом, а также транслировать мнение граждан через инструменты коммуникации в бюрократические структуры.

Юридическая рациональность представляет собой способ организации и поддержания существующего государственного устройства, определяет порядок его функционирования, взаимодействия властного аппарата с обществом, направления и особенности деятельности политических и социальных институтов[2]. Право выступает в качестве механизма внешней нормативной фиксации существующих властных отношений. Легитимность приказов обладателя власти основана на рационально сформулированных, согласованных правилах, а легитимность формулирования этих правил, в свою очередь, – на базе рационально сформулированной или интерпретированной «конституции»[3].

---

[1] Faktizität und Geltung. В английском переводе: «Between Facts and Norms».

[2] *Агафонова Т.П., Мамычев А.Ю., Попов В.В.* Юридическая рациональность в контексте исторической эволюции // Власть. 2009. № 11. С. 68-69.

[3] *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 67-68.

Спор о правильном парадигматическом понимании правовой системы, по сути, является политическим спором[1]. Согласно Хабермасу, существуют три парадигмы, по-разному толкующие развитие права: парадигма либерального государства, парадигма социального государства и процедуралистская парадигма. Либеральный порядок характеризуется высокой степенью формализма, на первый план выходит идея равенства субъектов (однако равенство не носит фактический характер). Пределы частной свободы ограничены свободой других людей. Для либерализма понятие справедливости выступает как нечто абстрактное, в то время как в парадигме социального государства оно понимается в качестве частично достижимого идеала[2]. Выравнивание статусов в рамках социального государства возможно только путем последовательного ограничения принципа формального равенства. Это ограничение осуществляется весьма просто: выявляются наименее защищенные социальные группы, и им предоставляют существенно большие (по сравнению с общими) возможности, а также льготы и привилегии. Из общего порядка, таким образом, делается множество исключений. Процедуралистская парадигма считает и либеральное, и социальное государство производителями сугубо односторонних репрезентаций социальных свойств индивидов. Человек должен восприниматься в первую очередь как участник коммуникации и только потом уже как рыночный агент или объект социальной защиты.

Процедурализм является результатом борьбы парадигм либерального государства и государства благосостояния. Он предполагает, что модель всеобщего благосостояния и либеральная модель реализуют права в конкретных терминах, игнорируя внутреннюю связь между частной и общественной автономией[3]. Процедуралистская парадигма заменяет спор о том, обеспечива-

---

[1] *Habermas J.* Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy / Transl. by W. Massachusetts, 1996. P. 395.

[2] Ibid. P. 398.

[3] *Глебова В.К.* Концепция права Ю. Хабермаса: дисс. канд. юрид. наук. Воронеж, 2020. С. 140.

ется ли автономия наилучшим образом благодаря субъективным свободам соревнования частных лиц или благодаря объективно обеспечиваемым притязаниям на успехи для клиентов бюрократии государства всеобщего благосостояния. В соответствии с ней демократический процесс обязан реализовывать одновременно и частную, и публичную автономии[1], а субъективные права не могут быть установлены и регламентированы без публичных дискуссий и обоснований всех значимых точек зрения.

Частная автономия равноправных граждан может быть обеспечена лишь синхронно с активизацией их гражданской автономии[2]. Классические теории демократии исходят из того, что общество благодаря суверенному законодателю воздействует само на себя. Однако для реализации этого воздействия необходима определенная субсистема, специализирующаяся на решениях, которым присуща коллективная обязательность[3]. Критикуя современные модели демократии, Хабермас вводит понятие делиберативной политики, которую рассматривает как следующую ступень общественной организации: «Делиберативность ... указывает на принятие определенной установки, направленной на социальное сотрудничество, а именно установки открытости, готовности внимать разумным доводам, сопровождающим заявления других лиц так же, как своим собственным. Делиберативная среда предоставляет возможность для добросовестного обмена мнениями, - в том числе для того, чтобы его участники отчитались, как каждый из них сам понимает свои жизненные интересы, - … когда в том или ином решении, если оно принимается, выражается некое обобщенное суждение[4]».

---

[1] *Habermas J.* Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. P. 409.

[2] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. Пер. с нем. Ю.С. Медведева. СПб., 2008. С. 415.

[3] *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии. Пер. с нем. Б.М. Скуратова // Логос 4-5 (39), 2003. С. 105-152.

[4] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. С. 389.

Внутренней целью всякой коммуникации является достижение консенсуса[1]. Искомый компромисс определяется предпосылками и процедурами, которые, в свою очередь нуждаются в рациональном, а именно в нормативном оправдании с точки зрения справедливости[2]. О коммуникативном действии, согласно Хабермасу, можно говорить только в том случае, когда достигнутый консенсус оказывается действительным регулятором деятельности субъектов. Правовой порядок является законным в той мере, в какой он в равной степени обеспечивает соавторскую частную и политическую автономию своих граждан; в то же время он обязан своей легитимностью формам коммуникации, в которых только эта автономия может выражать и доказывать себя. В конечном счете, легитимность закона зависит от неискаженных форм общественного общения и косвенно – от коммуникационной инфраструктуры частной сферы. Это является ключом к процедуралистскому пониманию права[3].

Понятие делиберативной политики получает эмпирическую опору лишь тогда, когда учитывается все многообразие форм коммуникации, в которых совместная воля участников образуется за счет уравновешивания интересов и достижения компромисса путем целерационального выбора средств, морального обоснования и проверки на юридическую связность. Весь вопрос, таким образом, заключается в коммуникативных условиях и в процедурах, которые придают институционализированному формированию общественного мнения и политической воли его легитимирующую силу[4]. Процедуралистская парадигма юридической рациональности является той совокупностью условий, при которой достигшие должной степени развития социальные институ-

---

[1] *Денежкин А.* «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства. М., 1995. С. 199.

[2] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. С. 392.

[3] *Habermas J.* Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. P. 409.

[4] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. С. 392.

ты консолидируют мнения участников коммуникации посредством коллективного консенсуса, выработанного в рамках рационального диалога[1].

Иными словами, модель подразумевает собой следование процедуралистской парадигме права, а именно – консенсуальному разрешению всех существующих вопросов и прямую трансляцию их в бюрократические структуры и социальные институты. Под рациональностью понимается как внутренняя коммуникативная рациональность индивидов по отношению друг к другу, так и внешняя – в их взаимодействии с государством. Хабермас отчасти включает в это понятие и институциональную рациональность, идея которой состоит в разумной и целесообразной организации социальных институтов.

Термин процедуралистской парадигмы юридической рациональности был введен Хабермасом в качестве лингвистической конструкции, однако заключает в себе не только значение понятия как иллюстрации и средства коммуникации, но и является содержательным отражением изложенных ранее взглядов ученого на организацию общественной жизни.

Модель процедуралистской парадигмы решает несколько проблем современной науки. Так, она представляет собой правовую теорию, синтезирующую в рамках понятия права идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности, о необходимости существования которой говорит В.Д. Зорькин[2]. По мнению самого Ю. Хабермаса, процедурализм способен разрешить «кризис права», заключающийся в его излишней материализации[3].

---

[1] *Белоусова В.М.* Делиберативная концепция Ю. Хабермаса в контексте систематизации современных моделей демократии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 4. С. 89.

[2] *Зорькин В.Д.* Суть права // Известия ВУЗов. Правоведение. 2017. № 3 (332). С. 14.

[3] *Habermas J.* [Faktizitat und Geltung. English] Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy / Transl. by W. Rehg. Cambridge, 1996. P. 389.

Список литературы

1. *Агафонова Т.П., Мамычев А.Ю., Попов В.В.* Юридическая рациональность в контексте исторической эволюции // Власть. 2009. №11. С. 67–70.

2. *Белоусова В.М.* Делиберативная концепция Ю. Хабермаса в контексте систематизации современных моделей демократии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. №4. С. 84–91.

3. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.

4. *Денежкин А.* «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства. М., 1995. С. 181–207.

5. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. Пер. с нем. Ю.С. Медведева. СПб., 2008.

6. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995.

7. *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии. Пер. с нем. Б.М. Скуратова // Логос 4–5 (39), 2003. С. 105–152.

8. *Habermas J.* Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy / Transl. by W. Rehg. Cambridge, 1996.

М.А. Белов

П. Бурдье: обновление юриспруденции на почве социологии[1]

Должно быть, не существует более важного не юриста для юриспруденции, чем социолог Пьер Бурдье. Не отводя праву основное место в своих работах, он, тем не менее, благодаря изучению власти и введению таких важных понятий как *габитус*, *социальное поле*, *символическое насилие* подарил нам огромный инструментарий для рассмотрения государства, права и переосмысления юриспруденции как таковой. К сожалению, его метод не

[1] Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ «Новые социетальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

получил достаточной рецепции в отечественной науке права, что является огромным упущением. Связано это прежде всего с нежеланием правоведов изучать себя и собственные коммуникационные связи. Прямым результатом этого является окостенелость общей теории, преподнесение права как чего-то сущего при изучении его материи. Однако имеет ли оно за собой хоть какую-то сущность? За словосочетанием «правовая материя» стоит самый настоящий идеализм, не позволяющий вскрыть истинные мотивы законодателя, окутывающий облаком тайны и усложняющий действия юристов. Невозможно говорить о телеологическом толковании без изучения сознательных и бессознательных практик. В связи с чем предлагается рассмотреть основные направления мысли П. Бурдье, чтобы внести ясность в то, каким образом происходит самовоспроизводство юридического поля за счет активных действий его участников, и почему сами легисты стараются этого не замечать.

Пьер Бурдье – социолог-теоретик из Франции, занимавшийся изучением различных полей (юридического, бюрократического, академического, литературного) и разработкой социальной теории, стремившейся объяснить социологическую реальность, избегая Сциллы объективизма и Харибды субъективизма[1]. Ключевыми для нас работами из всего обширного наследия автора для нас являются книга «Практический смысл», лекции «О государстве» в Коллеж де Франс, изданные уже после смерти, и ряд статей: «Власть права: основы социологии юридического поля», «Социальное пространство и символическая власть», «Формы капитала» и «О производстве воспроизводстве легитимного языка». Его исследования позволили вскрыть многие практики, считавшиеся до этого чем-то естественным, и именно в этом заключается его потенциальный вклад в развитие юриспруденции, поскольку осознав и приняв то, что каждый участвует в создании правовой реальности, мы сможем построить лучшую теорию на почве социологии и использовать ее для решения постоянно

[1] *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 2. М., 2018. С. 545.

обновляющихся проблем нестабильного мира.

Прежде чем обсуждать обозначенные выше понятия (*габитус*, *социальное поле*, *символическое насилие*) следует отметить, что сам автор понимает социологию как *генетический структурализм*, однако это не тот структурализм, каким его определял Жиль Делёз, где места в структуре первичны относительно субъектов, а символический элемент не может определяться предшествующими реальностями [1], отнюдь, Бурдье видит острую необходимость в изучении генезиса социальных полей, которыми в нашем случае являются государство и юридическое поле, то есть историю и причины их формирования [2]. Необходимо найти исходное место, где проявляется борьба, сопротивление созданию какого-либо социального института[3]. К сожалению, это как раз то, что, например, упускается при изучении государства. Упускается возникновение, значение и понимание идеи, а не феномена как такового. Все идеи прошлого доступны нам из различных текстов, а значит при их изучении, как говорит кембриджская школа, необходимо прежде всего очертить весь диапазон коммуникативных контактов, которые могли бы быть конвенционально осуществлены[4]. Главное слово здесь конечно же *конвенционально*. Можно легко убедиться, что примерные очертания современного государства, каким его понимает классическая юриспруденция, с такими атрибутами как территория, население и суверенная власть начинают появляться в текстах в Западной Европе в начале XVII века[5]. Поэтому Афины не были государством, поэтому

---

[1] *Делёз Ж.* По каким критериям узнают структурализм? // Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 139 –140.

[2] *Бурдье П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. С. 196.

[3] *Бурдье П.* О государстве. С. 197.

[4] *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 109.

[5] *Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб., 2002. С. 49.

Платон не писал о государственном устройстве, поэтому в учении Николо Макиавелли важно то, что личность князя трансцендентна к княжеству[1], и «Государь» именно поучение об управлении территорией, как собственностью, а не государством[2]. Поэтому использование слова «государство» при изучении тех периодов и тех форм правления становится непозволительным анахронизмом.

Это имеет огромное значение, поскольку таким образом правоведами осуществляются символическое насилие и власть, стирающие грани понимания государства как института, объективированного индивидами, а не чего-то вечного и универсального.

Но вернемся к структурализму. Под ним Бурдье видит обнаружение в социальной системе объективных структур, не зависящих от воли субъектов, сдерживающих или стимулирующих их поведение[3]. При этом в своем анализе он использует некоторые идеи конструктивизма, а именно социогинез, в котором с одной стороны участвует габитус, а с другой социальная структура, проявляющая себя в группе, поле, классе. Тут мы подходим к главному понятию мысли Бурдье, а именно *габитусу*.

Габитус – это система устойчивых и переносимых диспозиций, функционирующая как структурирующая структура, порождающая неосознанные практики[4]. Габитус, хотя и является продуктом структуры, а значит строго ограничен правилами этой структуры[5], тем не менее он сохраняет определенную долю свободы, что не сводится к простому механическому производству заданного, но именно принуждение и предписание следовать правилам не позволяет ему производить нечто

---

[1] *Foucault M.* Security, Territory, Population. Lectures at The College de France, 1977-78. L., 2009. P. 91.

[2] *Скиннер К.* The State. С. 24.

[3] *Бурдье П.* Социология социального пространства. СПб., 2017. С. 64.

[4] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001. С. 102.

[5] Там же. С. 106.

радикально новое[1]. Таким образом, тут уместно утверждение, что любой бунт против системы есть часть этой системы. Мы позволим себе немного смягчить такую, возможно, кажущуюся детерминированность и введем несколько замечаний, опираясь на социальный конструкционизм и социологию повседневности.

Габитус формируется на протяжении всей жизни человека путем интернализации – переводом объективированного мира в сознание индивида[2], происходящего с помощью таких инструментов легитимации как язык, знание, миф. Все это обобщенно у Бурдье под термином символическая власть. Главным же условием успешной объективации институтов является типизация и хабитуализация. Хабитуализация, то есть опривычивание, сводит возможные варианты действий да минимума[3], что уже было раскрыто как один из признаков габитуса. Типизация же приводит к появлению типичных деятелей, выполняющих типичные действия для поддержания института[4]. Таким образом, сложив первое и второе действие мы можем увидеть, что они, в сущности, и составляют габитус. Как пишет сам Бурдье «габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является»[5]. Под прошлым здесь стоит понимать не небольшой промежуток времени жизни каждого отдельного индивида, но всю историю развития человечества.

Невозможность действовать вопреки структуре происходит из-за рутинизации повседневной жизни, которая обеспечивает воспроизводство социальных институтов. Они, подобно машине, воспроизводятся при выполнении оператором определенного алгоритма, отход от которого чреват

---

[1] Там же. С. 107.

[2] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 102.

[3] Там же. С. 90.

[4] Там же. С. 92.

[5] *Бурдье П.* Практический смысл С. 109.

сбоем, непредвиденными обстоятельствами, разрушающими веру в институализированные образцы социального поведения[1]. Рутина влияет как на группы, поддерживающие общий универсум (референтные группы), так и на подчиняющихся. Поэтому «габитус, будучи продуктом определенного класса объективных закономерностей, стремится порождать «разумные» способы поведения, идущие от «здравого смысла», допустимые в рамках этих и только этих закономерностей, которые к тому же имеют все возможности быть позитивно санкционированными в силу своей объективной приспособленности к логике, характерной для данного конкретного поля, объективное будущее которого они предвосхищают. В то же время габитус стремится исключить «сугубо добровольно» любые «безумства» («это не для нас»), т. е. поведение, обреченное на неодобрительную оценку в силу его несовместимости с объективными условиями [2] ». Конечно, вопрос формирования рутины, апатии к общественным процессам требует отдельного исследования и не стоит перед нами сейчас. Тем не менее, мы надеемся, что хоть чуть-чуть смогли показать, что детерминация искусственна.

Следующее важные понятия в словаре Бурдье это *социальное поле* и *символический капитал*. Все социальное пространство состоит из различных полей, в которых постоянно ведется символическая борьба за установление легитимного господства. Поэтому позиция агента в социальном пространстве может быть определена исходя из его позиций и власти в других полях[3]. Это в свою очередь напрямую влияет на мировоззрение субъектов, объясняющее их возможное несовпадение и антагонизм[4], что приводит к закрытости поля. Доступ в поле происходит благодаря легитимной компетенции, человек,

---

[1] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2005. С. 112.

[2] *Бурдье П.* Практический смысл С. 108.

[3] *Бурдье П.* Социология социального пространства. С. 16.

[4] Там же. С. 73.

лишенный ее, напротив, отвергается[1]. Компетенция, как всем известно, обретается в процессе обучения, а обучение – это то, что обеспечивает культурный капитал.

Культурный капитал функционирует в качестве *символического капитала*, то есть остается непризнанным в стандартном понимании капитала и признается в качестве легитимной компетенции[2]. Культурный капитал включает в себя знание, а знание обеспечивает доступ к господству[3]. Неравенство в приобретении знания прослеживается сразу, ведь ребенок может родиться в семье с мощным культурным капиталом[4] и хорошим финансовым положением, где ему будет отведено больше времени для приобретения знания, а может попасть в семью, где ресурс времени ограничен и после индивиду придется заниматься обеспечением экономической стабильности, а не накоплением культурного капитала[5]. Как и все социальное, капитал тоже объективируется в форме академической квалификации, что наделяет ее владельца конвенциональной ценностью по отношению к культуре[6]. Речь конечно же об аттестатах, заверенных верховной инстанцией, то есть государством, что является высшим актом символического насилия[7]. Таким образом, мы можем выделить культурный капитал юриста, менеджера, инженера, лингвиста и т.д. Здесь также имеется градация в зависимости от культурного капитала института, выдавшего сертификат. Сюда входит положение учебного заведения в рейтинге

---

[1] *Бурдье П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). // http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.

[2] *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2005. №3. Т.6. С. 62.

[3] *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 1. М., 2016. С. 263.

[4] *Бурдье П.* Формы капитала. С. 63.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 65.

[7] *Бурдье П.* Социология социального пространства. С. 81.

образовательных организаций, наличие или отсутствие государственной аккредитации, компетенция преподавателей, наконец, один из самых важных факторов в эпоху капитализма, медийность ВУЗа. Отношения между акторами внутри полей формируют сети, которые позволяют сохранять материальную или символическую прибыль[1]. Обмен благами внутри группы трансформирует блага в знаки признания, таким образом переутверждая границы группы, за пределами которых уже нет порождающей связи[2].

Пьер Бурдье изучал юридическое поле и определял его как место конкуренции за монополию на право устанавливать право, где сталкиваются агенты, обладающие одновременно социальной и технической компетенцией, заключающейся в способности интерпретировать свод текстов, устанавливающих правильное видение мира[3]. Действительно, поля, относящиеся к государственной сфере, сфере управления, остаются самыми закрытыми структурами из всех возможных. Но обосновано ли такое разделение? Не приобретает ли такое разделение труда форму религиозного культа? «Корпусу юристов – пишет Бурдье – несложно убедить себя в том, что основание права находится в не самом, т.е. в его основной норме, например, Конституции, из которой выводятся все нормы низшего порядка, поскольку commimis opinio doctorum (авторитетное общее мнение), ставшее фактором социальной сплоченности корпуса интерпретаторов, стремится подвести трансцендентальное основание под исторические формы юридического сознания и веру в производимое ими упорядоченное видение социального строя[4]». Такие практики толкования, представляющие собой определенное таинство, а общение с юристами напоминает общение с авгурами, поскольку первые используют определенный языковой узус.

---

[1] *Бурдье П.* Формы капитала. С. 66.

[2] Там же. С. 67.

[3] *Бурдье П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. С. 78.

[4] *Бурдье П.* Власть права: основы социологии юридического поля. С. 80.

Теперь, после рассмотрения основных концептов, попытаемся воспроизвести формирование юриста идеального типа по Бурдье.

1. Ребенок изначально рождается в семье потомственных юристов. Условие потомственности важно, поскольку это обозначает устойчивую практику, которая вряд ли будет сломлена новым поколением. (Еще раз, мы рассматриваем идеальный тип, не существующий в реальности). Тем самым он попадает в *структуру*. Таким образом, уже с детства у индивида будет формироваться определенный вид *культурного капитала*. Ребенок будет наблюдать за ежедневными практиками родителей, возможно ходить с ними на работу, видеть книги и новости, которые те читают и смотрят. Крайне важно то, что профессия юриста воспринимается в обществе как престижная и заслуживающая уважения.

2. Ребенка отдают в специализированную школу с уклоном на изучение права. Там его уже более-менее сформировавшиеся представления о мире права укрепляются. Постепенно индивид начинает входить в юридическое поле, дающее ему привилегии и отличительные черты, однако до установления связей еще далеко.

3. По окончании школы молодой человек или девушка поступает в юридический ВУЗ, к тому же по олимпиаде, что служит дополнительной заверенной гарантией его приверженности установленному строю. Примерно на 2 курсе его/ее *габитус* уже будет сформирован.

4. Во время обучения на юридическом факультете студент не сомневается в полученных догматах, поддерживает хорошую связь с преподавателями, проходит практику в топовой компании.

5. После окончания учебного заведения агент (здесь мы уже можем так его называть, поскольку он обладает социальной и технической компетенцией, позволяющей ему вступать в конкуренцию по толкованию законов) устраивается на государственную должность, начинает преподавать на юридическом факультете, воспроизводя установленную доксу.

Примерно так, в грубой форме, происходит формирование социального

пространства путем диалектического взаимодействия структур и габитуса.

Тем не менее, такой критический подход к юриспруденции вовсе не несет с собой враждебность, а наоборот может быть использован во благо, для улучшения связи между законодателем и гражданами. К примеру, очень часто не рассматриваются социальные предпосылки, ведущие к социальным фактам, которые законодатель превращает в юридические факты, что приводит к «мертворожденным» законам. Поэтому, перефразируя фразу Пьера Бурдье о том, что социология должна включить и социологию восприятия социального мира, то есть социологию конструирования мировоззрений, способствующих, в свою очередь, конструированию реальности[1], в отношении юриспруденции можно сказать, что *юриспруденция должна включить и изучение восприятия права, то есть изучение конструирования различных правопониманий, способствующих конструированию правовой реальности*.

Современной юриспруденции необходимо учесть, что ее формирование зависит и происходит от действий многих, а не некоторых. Предоставление исключительных привилегий людям, получившим квалификацию в большинстве случаев благодаря стечению жизненных обстоятельств, может тормозить развитие науки права. Оставаясь закрытой и глухой к современным вызовам, не способной к трансформации и адаптации, юриспруденция рискует потерять большую часть научности и стать лишь инструментом бюрократического аппарата. Поэтому так необходим диалог с другими дисциплинами и обновление права на почве других социальных и гуманитарных наук.

Список литературы

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. М., 1995.

[1] *Бурдье П.* Социология социального пространства. С. 73.

2. *Бурдье П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005. С. 75–128.

3. *Бурдье П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и П. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. М., 2016.

4. *Бурдье П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka (Дата обращения 20.04.2020).

5. *Бурдье П.* Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2001.

6. *Бурдье П.* Социология социального пространства / Пер. фр. под ред. Н.А. Шматко. СПб., 2017.

7. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. Т. 6. 2005. № 3. С. 60–74.

8. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. Социология / Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М., 2016.

9. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации / 2-е изд. М., 2005.

10. *Делёз Ж.* По каким критериям узнают структурализм? // Марсель Пруст и знаки. Статьи / Пер. с фр., редакция и предисловие Е.Г. Соколова. СПб., 1999.

11. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 53–22.

12. *Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2002. С. 12–74.

13. *Шацкий Е.* История социологической мысли. Т. 2 / Пер. с пол. под ред. А. Васильева. М., 2018.

14. *Foucault M.* Security, Territory, Population. Lectures at The College de France, 1977–78. New York, 2009.

Двойников А.И., Смирнова М.В.

Роль А. Гамильтона в развитии государственности США и политико-правовой мысли

Итогом Американской революции стало образование нового государства. Перед тринадцатью колониями, оспорившими притязания Великобритании, стояла задача закрепления государственности только что образованной страны. Независимость от Англии сопровождалась революцией в способах и методах управления, которая ввела новые принципы организации государства, основанные на доктринах народного правления, разделения властей, общественного договора, республиканизма, естественных и неотчуждаемых прав[1]. Одним из выдающихся деятелей данного периода стал Александр Гамильтон, мыслитель, политик, один из Отцов-основателей США. Влияние его фигуры на историю, государственную и правовую мысль стало предметом данной статьи.

При небольшом участии в процессе создания Конституции, Гамильтон принял активнейшее участие в ее последующем принятии штатом Нью-Йорк. Вместе с Джоном Джеем и Джеймсом Мэдисоном были написаны 85 статей в поддержку ратификации Конституции США, позже собранных в «Записках Федералиста». Вскрывая пороки конфедеративного устройства Союза независимых штатов, где для исполнения любого решения Союза требовалось совпадение воли тринадцати отдельных его частей, авторы подробно разбирали предложенную в Основном законе систему организации федеральной власти. Сам Гамильтон написал пятьдесят одну статью. Объем, затронутые вопросы и стиль их аргументации дают простор для научного изучения и анализа, нахождения все новых идей и развития старых. При обсуждении духа американской конституции на любом уровне, включая Верховный суд США, «Федералист» является бесценным источником ее

[1] *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ; 2-е изд. М., 1998. С. 196.

толкования.

В нем Гамильтон отстаивал принцип конституционного контроля за принимаемыми в государстве законами, настаивая, что лишь таким образом можно гарантировать соблюдение воли народа, выразившейся в тексте Основного закона. Меру их соответствия конституции должны определять суды, наделенные правом толкования. В случае, противоречия содержания принятого закона, только суд может решить вопрос о его неконституционности «ни один законодательный акт, противоречащий конституции, не может иметь силу[1]. Данная мысль впоследствии была заложена как принцип деятельности органов конституционного контроля, закрепленный в конституциях государств и послужила основанием отмены либо изменения умаляющих или отчуждающих права человека законов. Принцип непротиворечия является одной из основ современного понятия правового государства.

Разделение властей по идеям Монтескье невозможно без независимой судебной власти. Гамильтон находил ее наиболее слабой властью, которая «не обладает ни силой, ни волей, а выносит только суждения и в конечном счете зависит от помощи исполнительной власти для претворения их в жизнь»[2]. Поэтому огромную роль он отводит независимости судей, выступая в защиту их пожизненного назначения и финансовой автономности, посредством запрета уменьшения жалованья в течение всего срока нахождения в должности.

Александр Гамильтон внес большой вклад в создание двухпартийной системы, которая и ныне доминирует в политической жизни США. Став первым министром финансов, он выступал за сильное федеральное правительство с обширными финансовыми и политическими полномочиями, сокращение прав штатов. Собрав единомышленников, он продвигал свои

---

[1] Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 2000. С. 501.

[2] Там же. С. 502.

идеи сначала через отдельных конгрессменов, а вскоре уже как Федералистская партия – первая политическая партия США. Реакцией на ее влияние стало появление Демократическо-республиканской партии во главе с Томасом Джефферсоном и Джеймсом Мэдисоном, давшей начало двум основным современным американским партиям. Вся деятельность А. Гамильтона по созданию в США сильной системы федеральной власти, развитию промышленности и финансов встречала сопротивление Томаса Джефферсона и сторонников самостоятельности штатов и развития сельскохозяйственной – сырьевой экономики.

Гамильтон понимал значение денег для страны, называя их костяком политических структур, нехватка которых приводит к быстрой гибели правительства[1]. Будучи министром финансов, он всю свою деятельность направлял на экономическое развитие Соединенных Штатов. Понимая – новое государство останется слабым и неспособным действовать, если оно будет враждебно капиталу. Но лишь только оно станет относиться к капиталу дружелюбно, как капитал поспешит прийти к нему на помощь[2]. Гамильтон заложил необходимые основы дальнейшего экономического роста страны, преобразовав государственный банк, укрепив кредитную репутацию, проведя эффективную тарифную политику.

На посту министра финансов он предлагал перенос образовавшихся во время войны финансовых долгов штатов, на федеральное правительство, создание национального долга и способов его погашения. К 1789 году государственный долг США составлял 77 миллионов долларов, что было равным 30% внутреннего валового продукта, причем больше половины этой суммы составлял внутренний долг перед населением, поддерживавшим

[1] Там же. С. 199.

[2] История политических и правовых учений / Под ред. И.А.Швыдько. М., 2006. С. 169.

штаты в ходе войны за независимость[1], для погашения кредитов пришлось прибегнуть к выпуску первых в стране облигаций. В одном из четырех основных докладов по фискальной и экономической политике – Докладе о государственном кредите он формулировал такие предложения, как принятие федеральным правительством на себя всех долгов штатов, ведь консолидация национального долга позволит превратить его в ликвидный капитал, сделав его одним из факторов экономического роста. И как оплата ценных бумаг их законным владельцам по номинальной стоимости в целях восстановления доверия к государству как надежному заемщику, поскольку в будущем неизбежно придется выпускать новые облигации государственного займа. «Если национальный долг не слишком большой, он может стать национальным благословением» – тем самым Александр Гамильтон как государственный деятель заложил основы современной финансовой политики государств в области государственного долга.

В 1791 г. Гамильтон добился от Конгресса лицензии для Первого банка Соединённых Штатов на основе частного капитала, призванного усилить материальные позиции федерального правительства. Однако масштабные спекуляции граждан с займами привели к кредитному кризису, известному как Банковская паника 1792 года. Истощение денежных резервов банка вызвало цепную реакцию других банков, также сокративших кредитование. В итоге заемщики вынуждены были срочно продавать ценные бумаги, что привело к резкому падению цен на них[2]. В такой ситуации Александр Гамильтон предпринял ряд мер для сдерживания и выхода из кризиса. Главным образом они заключались в покупке ценных бумаг на открытом рынке и соглашении с рядом банков по кредитованию на особых условиях (повышенная процентная ставка, покупка ценных бумаг частных банков,

[1] National debt // Телеканал History Channel: https://www.history.com/topics/us-government/national-debt (дата обращения: 09.03.2020).

[2] *Cowen D.J., Sylla R., Wright R.E.* The U.S. Panic of 1792: Financial Crisis Management and the Lender of Last Resort / NBER DAE Summer Institute, 2006. P. 16.

обеспечение государственными долговыми ценными бумагами займов). В течение месяца финансовая ситуация стабилизировалась с незначительными потерями, а принятые министром финансов меры заложили стандарты будущей антикризисной политики центральных государственных банков мира.

Написанный Александром Гамильтоном в 1791 году Доклад на Тему Промышленных товаров был нацелен на осуществление политики экономического протекционизма. Молодая промышленная экономика штатов нуждалась в защите от конкуренции с иностранными товарами, сокращении объемов экспорта сырья, чтобы не превратиться в ресурсный придаток европейских держав (главным образом сельскохозяйственной продукции). Для реализации программы Гамильтон предлагал введение защитных тарифов, запрета на импорт, субсидирование отраслей, запрет экспорта определенных сырьевых материалов, развитие финансовой и транспортной инфраструктур и другие, всего 11 групп мер[1]. План шел вразрез с идеями Адама Смита, «советовавшего» американцам не развивать промышленность, и встретил колоссальное противодействие от Томаса Джефферсона и южных штатов, незаинтересованных сокращать экспорт урожая и усилить более промышленно развитые северные штаты. Идея поддержки государством отдельных сфер экономики не была новой, однако тезисы Гамильтона о «зарождающихся отраслях» оформили в самостоятельную программу политику экономического протекционизма для развивающихся государств.

Сегодня он один из семи выдающихся отцов-основателей США, чей портрет изображен на американских десятидолларовых банкнотах. Человек, заложивший современную государственную финансовую систему крупнейшей экономики мира, основной автор ценнейшего толкования Конституции США, политик, последовательно продавивший идею сильного федерального государства вместо объединения вчерашних колоний.

[1] *Irwin D.A.* The Aftermath of Hamilton's 'Report on Manufactures' / The Journal of Economic History. 64 (3), 2004. P. 800–821.

Александр Гамильтон деятельностью и идеями за отведенные ему 47 лет жизни оставил ярчайший след в разных сферах государственности Соединенных Штатов и мировой политико-правовой мысли.

Список литературы

1. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ; 2-е изд. М., 1998.

2. История политических и правовых учений / Под ред. И.А.Швыдько. М., 2006. С. 169.

3. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 2000.

4. *Cowen D.J., Sylla R., Wright R.E.* The U.S. Panic of 1792: Financial Crisis Management and the Lender of Last Resort / NBER DAE Summer Institute. 2006.

5. *Irwin D.A.* The Aftermath of Hamilton's 'Report on Manufactures' / The Journal of Economic History. Vol. 64. 2004. No. 3. P. 800–821.

6. National debt // Телеканал History Channel [Офиц. сайт]. URL: https://www.history.com/topics/us-government/national-debt (дата обращения: 09.03.2020).

Н.А. Кузнецов

Роль личности в формировании обычая на примере истории развития сунны

Формирование обычая начинается с прецедентов, воспринимаемых как примеры для подражания[1]. В связи с этим представляет интерес, какую роль в формировании обычая играют отдельные личности, их авторитетность или иные характеристики. Помочь ответить на этот вопрос может исследование формирования и развития сунны. Выбор обусловлен тем, что сунна на данный момент явно не ассоциируется с обычаем, но есть основания полагать, что её связь с обычно-правовой природой до сих пор не утрачена.

[1] *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 98–99.

Для дальнейшего изложения важно, что нормам обычая присущи, в частности, такие существенные признаки, как общее для социальной группы единообразное повторение, устность, придание общеобязательности исключительно через общее для социальной группы убеждение в общеобязательности правила[1].

Как известно, сунна является вторым основополагающим источником, доводом (далиль), из которого извлекаются нормы исламского права. С языковой точки зрения понятие «сунна» соответствует значениям «обычай», «путь», «пример», что неслучайно. Терминологически в современном понимании сунна у суннитов обозначает слова, поступки (действия и бездействия) Пророка Мухаммада и его молчаливое одобрение поступков других людей, иснаашариты (шииты-двунадесятники – самая распространённое шиитское течение, в юриспруденции придерживающееся джафаритской правовой школы) добавляют соответствующую деятельность Фатимы – дочери Мухаммада - и двенадцати имамов. Являясь абстрактным понятием, сунна выражается отдельными сообщениями – хадисами, именуемыми у шиитов хабарами[2].

Формально общеобязательность сунны обосновывается исламскими учёными некоторыми аятами (стихами) Корана и (в порядке самореференции) отдельными хадисами[3]. Но современное понимание сунны и упомянутые обоснования её общеобязательности, как показывают исследования Йозефа Шахта, Ваэля Халлака и др., существовали не всегда, а складывались на протяжении первых трёх веков ислама.

Понятие «сунна» пришло из доисламских времён, обозначая поступки конкретных предков, которым надо следовать, и не обязательно имело

---

[1] *Добров А.С.* Формирование права без законодателя: очерки по теории источников права // Вестник гражданского права. 2010. № 2. С. 191–245.

[2] *Али–Заде А.А.* Исламский энциклопедический словарь. М., 2007. Электронная версия с сайта: https://www.litmir.me/br/?b=250932&p=1.

[3] Там же.

положительную коннотацию. Так же она воспринималась уже в первые десятилетия ислама и по отношению к Мухаммаду. Авторитет Мухаммада, постепенно укрепляясь, стал, в конце концов, очень высоким уже при его жизни, о чём свидетельствует его бесспорный успех, для достижения которого ему пришлось преодолеть трудный путь от простого купца, вдохновенного поэта-маджнуна до уважаемого третейского судьи (хакама) и харизматического лидера-объединителя и реформатора. Вместе с тем, по всей видимости, современники Мухаммада в большей степени, чем следующие поколения, воспринимали его не только как посланника Аллаха, но и как лидера-человека – одного из тех авторитетов, чьи поступки и слова могли становиться суннами. Поэтому сунна Мухаммада сперва рассматривалась практически наравне с суннами таких авторитетнейших его сподвижников, как праведные халифы. Постепенно в последней трети VII в. среди рассказчиков хадисов и прочих историй – судей (кадиев), чьи полномочия поначалу включали передачу подобных рассказов, и других сподвижников и их последователей – и, соответственно, среди их слушателей наметилась тенденция выделять сунну Мухаммада по сравнению с суннами других деятелей, что выражалось, в частности, в её более пристальном изучении и более широком применении при решении дел; но о систематическом доктринальном осмыслении и обосновании этой тенденции сперва речи не шло: поначалу процесс развивался устно и иррационально. В конце концов, стараниями халифа Умара II, Мухаммада аш-Шафии и других собиравших и исследовавших хадисы учёных (мухаддисов), именно сунна Мухаммада утвердилась как второй шариатский довод[1].

---

[1] *Бехруз Х.* Исламские традиции права. Одесса, 2006. С. 184, 187; Ислам. С. 178–182, 214, 244; Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / Под ред. В.И. Лафитского. М., 2013. С. 450–466; *Hallaq W.B.* Shari'a: theory, practice and transformations. New York, 2009. P. 38–52; The Encyclopedia of Islam. Vol. IX. San–Sze. Leiden, 1997. P. 878–879; *Schacht J.* An Introduction to Islamic Law. New York, 1982. P. 17–18, 29- 0, 33, 45–48.

Обоснование общеобязательности сунны у шиитов (под которыми здесь и далее подразумеваются иснаашариты) связано с политическими процессами, в ходе которых (отчасти, доктринально, но не без стихийности) сформировалось убеждение, что именно Али ибн абу Талиб и его потомки, будучи непогрешимыми родственниками Мухаммада, являются не только единственными людьми, достойными возглавить всех мусульман, но и хранителями тайного знания скрытых смыслов Корана. В формировании этого убеждения не могли не сыграть роль личные качества, в глазах шиитов выгодно выделявшие имамов на фоне других родственников Пророка: Али – великолепный и умный оратор и судья, не стремившийся захватить власть любой ценой, воспринимаемый (наряду с Фатимой и имамом Хусейном) как жертва несправедливости мира; имамы Мухаммад Бакир, Джафар ас-Садик, Муса аль-Казим и др. – учёные, старавшиеся (нередко успешно) улучшить положение шиитов в халифате. Доктринально идея о «четырнадцати непогрешимых» (Мухаммад, Фатима и двенадцать имамов) была выражена имамами Мухаммадом Бакиром и Джафаром ас-Садиком (первые две трети VIII в.). Но можно утверждать, что стихийно эта идея сформировалась раньше. Это подтверждается, например, тем, что большинство шиитов послушно следовало мирной политике аль-Хасана и других имамов по отношению к ненавистным шиитам Умайядам и нисколько не усомнилось в правоте имама Хусейна, несмотря на его поражение и гибель в битве при Кербеле[1].

Таким образом, концептуальное обоснование общеобязательности сунны формировалось как доктриной и деятельностью известных лиц, так и обычно-правовым путём, и эти пути были взаимодополняющими.

Встречается мнение, что одно из ранних значений понятия «сунна» - коллективная практика общины. Однако в основании сунны лежит деятельность конкретного лица, чьё поведение взято за образец как

[1] *Кныш А.Д., Маточкина А.И.* Шиитский ислам: учебное пособие. СПб., 2016. С. 11–19, 21–23, 25–37 The Encyclopedia of Islam. Vol. IX. P. 420–423.

общеобязательное: иное смешало бы сунну и урф (другое понятие, относящееся к обычаю). Так, правило, бывшее доисламским обычаем и одобренное Мухаммадом, получает двойную санкцию: непосредственно от социальной группы как урф и опосредованно через подтверждение Мухаммадом, которое, в свою очередь, является обычаем постольку, поскольку передаётся устно и воспринимается как общеобязательное, хотя Мухаммад на общеобязательность конкретного подтверждения не указывал[1]. Отсюда, концептуальная общеобязательность сунны означает, что общеобязательность хадисов (их относимость к сунне) зависит от их связи с личностью Мухаммада (и Фатимы и двенадцати имамов у иснаашаритов).

В суннитской традиции передаются два противоречащих предания. Согласно одному, которым, в итоге, руководствовалось большинство суннитов в первый век ислама, Мухаммад запретил записывать сунну, чтобы она не смешалась с Кораном, согласно другому, он велел её записывать. Шииты же уверены, что Мухаммад поощрял записи сунны и даже поручил Али делать это. Однако, в первый век хиджры отдельные сунниты делали разрозненные записи хадисов для своих нужд, нередко (но не всегда) уничтожая их потом. Во всяком случае, самые первые суннитские и шиитские сборники хадисов до нас не дошли, и много хадисов в обоих течениях передавались устно[2]. Обычно-правовой характер сунны в первый век хиджры усугублялся отсутствием разработанной критики хадисов (даже в VIII в. такие учёные, как Малик ибн Анас, не всегда в своих книгах приводили полные цепи передатчиков – иснады, - которые доходили бы вплоть до Пророка), что влекло искажения текстов, ошибочное приписывание

---

[1] *Hallaq W.B.* Shari'a. P. 41–42 ; The Encyclopedia of Islam. Vol. IX. P. 879; *Shabana A.* Custom in Islamic Law and Legal Theory: The Development of 'Urf and 'Adah in the Islamic Legal Tradition. New York, 2010. P. 30–31, 56.

[2] *Велаяти А.А.* Исламская культура и цивилизация. М., 2011. С. 102 ; *Кремер А. фон.* Мусульманское право. Ташкент, 1888. С. 4–6; The Encyclopedia of Islam. Vol. III. H–Iram. Leiden; London, 1986. P. 24.

Мухаммаду действий и, главное, многочисленные подлоги с приведением иснадов и без такового, целью которых было санкционировать некоторые правила, привлекая авторитет Мухаммада как основы общеобязательности и даже некоторых известных передатчиков, упоминание которых укрепило бы уверенность в подлинности хадиса. По наблюдению исламоведов, некоторые неаутентичные хадисы не только широко распространились, но и были признаны как достоверные[1].

Всё это заставило суннитов и шиитов разработать критический аппарат для проверки подлинности хадисов. Пожалуй, именно то, что общеобязательность распространявшихся и существовавших в виде обычаев хадисов была связана с конкретными основаниями в виде относимости к людям, не просто бывшим высокоавторитетными, а воспринимавшимися как выразители воли Аллаха[2], дало миру беспрецедентный и интересный для социологии права пример разработки в рамках живой традиции рациональных инструментов исследования происхождения норм обычая.

Можно упомянуть две классификации хадисов: деление на мутаватир (передаются столь большим количеством иснадов, что сговор невозможен), машхур (два-три иснада) и ахад (одиночные иснады) и на сахих (достоверные), хасан (хорошие) и даиф (слабые). Для отнесения хадиса к определённому виду важно провести его проверку на соответствие критериям, главными из которых являлись характеристики личностей передатчиков: возраст, память, время жизни, принадлежность к религии (шииты допускают передатчиков-нешиитов, если их хабары не противоречат достоверным) и такие важнейшие личные качества передатчиков, как

---

[1] *Кремер А. фон.* Мусульманское право. С. 8–11; *Роэ М.* Исламское право: история и современность. М., 2019. С. 77–78; The Encyclopedia of Islam. Vol. III. P. 23–27.

[2] *Бехруз Х.* Исламские традиции права. С. 185; *Shabana A.* Custom in Islamic Law and Legal Theory. P. 45, 47.

справедливость, благочестие и др.[1]

Исламские учёные полагали, что устная передача хадисов лучше письменной: личная встреча передающего и слушателя лучше позволяют им оценить личные качества друг друга (ведь порой трудно понять, кто скрывается за письменным текстом). Второе объяснение этого подхода связано с концепцией таватур (от этого слова и происходит название хадисов мутаватир), согласно которой многократное выслушивание и повторение информации приводит к убеждению в её достоверности (а в контексте хадиса – к убеждению в общеобязательности)[2]. По сути, на основании данной концепции ханифиты принимают как достоверные даже безымянные хадисы, передатчики которых неизвестны, если они широко распространены[3], т.е. на основании только одного распространённого убеждения, что они реально связаны с Мухаммадом. А маликиты считают достоверными те хадисы, которые не противоречат практике жителей Медины (амаль), так как, по их мнению, эта практика была одобрена Мухаммадом, жившим в Медине[4]. В этом смысле амаль сливается с сунной, но их отличие заключается в том, что сунна возводится к деятельности самого Пророка как к конкретному основанию общеобязательности хадисов, а амаль служит инструментом подтверждения достоверности хадиса, заменяя иснад.

Если иснаашаритам для подтверждения общеобязательности хабара ввиду доктрины «четырнадцати непогрешимых» достаточно установить его связь с соответствующим авторитетом, то сунниты должны ещё выяснить, в какой роли выступал Мухаммад, совершая поступок или принимая решение:

---

[1] *Али–Заде А.А.* Исламский энциклопедический словарь; *Вайсс Б.Дж.* Дух мусульманского права. СПб.: 2008. Электронная версия с сайта: https://www.worldislamlaw.ru/?p=497.

[2] *Вайсс Б.Дж.* Дух мусульманского права.

[3] *Минниахметов Р. А.* Ханафитская школа в исламском праве // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 81.

[4] *Роэ М.* Исламское право. С. 76.

в роли непогрешимого пророка или несовершенного человека, могущего ошибиться. В последнем случае хадис не может относиться к сунне, как указывал сам Пророк. Вместе с тем, отмечается, что учёным, не бывшим современниками Мухаммада, трудно определить его роль, а потому из предосторожности они принимают и те хадисы, в которых поведение Мухаммада в большей степени было похоже на человеческое, чем на пророческое. Примером может являться хадис, увековеченный каноническим сборником «аль-Джами ас-сахих» аль-Бухари, в котором Мухаммад, посоветовав, что нужно делать с находкой, разгневался, когда посетитель спросил его, что делать с найденным верблюдом: гнев – чувство, связанное с несовершенной природой человека[1]. То есть и с этой точки зрения можно утверждать, что некоторые хадисы, общеобязательность которых не предполагалась, передавались и воспринимались как относящиеся к сунне.

В VIII–IX вв. у суннитов и X–XII вв. у шиитов не только развивалась критика хадисов, но и активно составлялись их сборники. Некоторые из них стали каноническими, а именно: суннитские сборники Мухаммада аль-Бухари, Муслима ибн Хаджжаджа (содержат только достоверные хадисы), ат-Тармизи, абу Дауда, ан-Насаи, ибн Маджа (к ним по значимости примыкает сборник Малика ибн Анаса) и шиитские сборники «трёх Мухаммадов» (по одному от Кулайни и ибн Бабавайха и два от ат-Туси). Справедливо отмечается, что в исламском мире не существовало официального органа, который признал бы сборники хадисов каноническими, поэтому это признание складывалось из отдельных мнений учёных, выкристаллизовываясь во всеобщее убеждение[2]. Интересно, что сборники аль-Бухари и Муслима получили признание быстрее всех, конкурируя между собой в значимости («Сахих» аль-Бухари считается более авторитетным, но в Магрибе выше ценится сборник Муслима). Их признание связано как с характеристиками сборников (удобная систематизация и отбор

[1] Там же. С. 73–76; *Shabana A.* Custom in Islamic Law and Legal Theory. P. 55–56.

[2] The Encyclopedia of Islam. Vol. III. P. 24.

исключительно достоверных хадисов), так и с личностями составителей, характеризовавшимися феноменальной памятью (аль-Бухари знал наизусть не меньше шестисот тысяч, а Муслим – трёхсот тысяч хадисов), тщательным подходом к многолетнему труду, благочестие; сохранилось немало высоких оценок, данных им их современниками[1]. То же самое можно сказать и про шиитские сборники, добавив, что ат-Туси завоевал авторитет как один из основоположников методологии шиитской юриспруденции, а благодаря его активному использованию сборника Кулайни, тот тоже приобрёл известность и был признан[2].

Канонизация сборников хадисов привела к тому, что со временем уже не изучение иснадов, а сами эти сборники стали главным мерилом достоверности хадисов, хотя нельзя сказать, что анализ иснадов вовсе исчез. У суннитов даже появилось следующее ранжирование хадисов сахих: включённые в сборники аль-Бухари и Муслима; включённые в сборник только аль-Бухари; включённые в сборник только Муслима; не включённые в их сборники, но отвечающие условиям достоверности (шурут) аль-Бухари и Муслима; отвечающие шурут аль-Бухари; отвечающие шурут Муслима; достоверные с точки зрения других сборников[3]. Симптоматично, что в XV в. имам аз-Зубайди, составитель одного из сокращённых вариантов сборника аль-Бухари, опустил иснады, отметив, что достоверность этих хадисов уже ни у кого не вызывает сомнений[4]. Наконец, когда Абу-ль-Ала Маудуди (XX в.) заявил, что даже содержащиеся в двух Сахихах хадисы должны быть

---

[1] Ислам. С. 44, 174 ; Мухтасар Сахих Аль-Бухари. Т. 1. Алматы, 2013. С. 10–16; The Encyclopedia of Islam. Vol. I. A–B. Leiden, 1986. P. 1296–1297; The Encyclopedia of Islam. Vol. VII. Mif–Naz. Leiden; New York, 1993. P. 691–692.

[2] Ислам. С. 140–141, 238; *Кныш А.Д., Маточкина А.И.* Шиитский ислам. С. 55–56, 62–63; The Encyclopedia of Islam. Vol. V. Khe–Mahi. Leiden, 1986. P. 362–363; Ibid. Vol. X. T–U. Leiden, 2000. P. 745–746.

[3] The Encyclopedia of Islam. Vol. III. P. 25.

[4] Мухтасар Сахих Аль-Бухари. С. 19.

проверяемы на достоверность, он был обвинён в приверженности шиизму[1]. Учитывая, что обязательность Сахихов по-прежнему вытекает лишь из убеждения, можно заключить, что ограничение традиции устного распространения хадисов не пресекло обычно-правовую природу сунны, а перевело её в иную плоскость – в наделение сборников хадисов общеобязательностью через обычай.

Таким образом, суннитская и иснаашаритская сунна, получив общеобязательность обычно-правовым путём, подкреплённым доктриной, формировалась не в последнюю очередь как обычай, имеющий основанием общеобязательности связь с авторитетными лицами, и фактически не утратила статус обычаев. Причём в формировании и развитии этих обычаев личности, начиная Мухаммадом и заканчивая передатчиками и авторитетными мухаддисами, играли хоть и не исключительную, но немалую роль. Данное исследование может стать одним из шагов к пониманию роли личности в действительности и действенности норм обычая.

Список литературы

Али–Заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М., 2007. Электронная версия с сайта: https://www.litmir.me/br/?b=250932&p=1.

Бехруз Х. Исламские традиции права. Одесса, 2006.

Вайсс Б.Дж. Дух мусульманского права. СПб., 2008. Электронная версия с сайта: https://www.worldislamlaw.ru/?p=497.

Велаяти А.А. Исламская культура и цивилизация. М., 2011.

Добров А.С. Формирование права без законодателя: очерки по теории источников права // Вестник гражданского права. 2010. № 2.

Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.

Кремер А. фон. Мусульманское право. Ташкент, 1888.

Кныш А.Д., Маточкина А.И. Шиитский ислам: учебное пособие. СП., 2016.

Минниахметов Р.А. Ханафитская школа в исламском праве // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36).

[1] *Пугачёв В.В.* Концептуальные основы политико-правового учения Абу-л-А‘ла Маудуди: критический анализ. Дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 52–54.

Мухтасар Сахих Аль-Бухари. Т. 1. Алматы, 2013.

Пугачёв В.В. Концептуальные основы политико-правового учения Абу-л-А‘ла Маудуди: критический анализ. Дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2019.

Роэ М. Исламское право: история и современность. М., 2019.

Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии /под ред. В.И. Лафитского. М., 2013.

Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.

Hallaq W.B. Shari’a : theory, practice and transformations. New York, 2009.

Schacht J. An Introduction to Islamic Law. New York, 1982.

Shabana A. Custom in Islamic Law and Legal Theory: The Development of ‘Urf and ‘Adah in the Islamic Legal Tradition. New York, 2010.

The Encyclopedia of Islam. Vol. I. A–B. Leiden, 1986.

The Encyclopedia of Islam. Vol. III. H–Iram. Leiden; London, 1986.

The Encyclopedia of Islam. Vol. V. Khe–Mahi. Leiden, 1986.

The Encyclopedia of Islam. Vol. VII. Mif–Naz. Leiden; New York, 1993.

The Encyclopedia of Islam. Vol. IX. San–Sze. Leiden, 1997.

The Encyclopedia of Islam. Vol. X. T–U. Leiden, 2000.

М.В. Лысова, С.С. Матисон

Роль М.М. Сперанского в сфере реформирования государственного управления: история и современность

В условиях продолжающегося реформирования нашей страны возрастает интерес к изучению процессов модернизации государственного управления Российской империи в первой четверти XIX века. В этой связи представляется вполне обоснованным и необходимым обращение к историко-правовому опыту, связанному с именем великого российского реформатора М.М. Сперанского, выдающаяся роль которого в истории преобразований отечественной государственности является общепризнанной и имеет непреходящее значение. В контексте конституционных изменений XXI века идейно-политические взгляды М.М. Сперанского обретают новое звучание.

Различным аспектам деятельности М.М. Сперанского, как значимой фигуре российской государственности, посвящен большой массив работ в отечественной научной литературе. Становление М.М. Сперанского как государственного деятеля, его профессиональный путь и научное наследие привлекали внимание многих исследователей, главные работы реформатора опубликованы [1]. Научный интерес к жизнедеятельности выдающегося государственного деятеля активно проявляется в исследованиях, начиная со второй половины XX в.[2]. Реформаторская деятельность М.М. Сперанского, как предмет изучения, занимает важное место в работах В.А. Корнилова, В.А. Калягина, Г.Д. Макеева и других. Первым весомым документальным повествованием о судьбе государственного деятеля, стоявшего в центре политической жизни России первой четверти XIX в., стало исследование В.А. Томсинова «Светило русской бюрократии (М.М. Сперанский)»[3]. Интерес к идеям М.М. Сперанского и их практическому воплощению проявляли и зарубежные авторы, например, в диссертационной работе корейского ученого Ох Ду Юна предпринята попытка установить влияние реформаторской концепции М.М Сперанского на конкретную управленческую деятельность в регионах России.

---

[1] *Сперанский М.* Руководство к познанию законов // Русский архив. 1992; *Он же*. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России 1803 г. // Историческое обозрение: Сб. ист. об-ва. СПб., 1901; *Он же*. Краткое начертание государственного образования. Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам. Проект учреждения Правительствующего сената // Политическая история России. Хрестоматия. М., 1996; *Он же*. План государственного преобразования М.М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905; *Он же.* Проекты и записки. М., Л., 1961; *Он же.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002 и др.

[2] *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1-2; *Дружинин Н.М.* Очерки из истории движения декабристов. М., 1955; *Гордин Я.* Декабристы и их время. М., 1951; *Чернов С.Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960 и др.

[3] *Томсинов В.А.* Светило русской бюрократии (М.М. Сперанский). М., 1997.

Раскрывая факторы, повлиявшие на личностное становление М.М. Сперанского и формирование его взглядов, следует отметить, что годы обучения, первый теоретический опыт и начало государственной деятельности М.М. Сперанского пришлись на конец царствования Екатерины II и время правления Павла I. В этот период оформилось его мировоззрение, он стал широко образованным ученым, приобрел богатые энциклопедические познания и опыт государственного служащего, что заметно выделяло его из числа остальных служащих. М.М. Сперанский родился и вырос в семье сельского священника, обучался вместе с рядовыми студентами и вошел в бюрократическую среду, полагаясь только на свои собственные способности, талант и трудолюбие. Помимо личных достоинств (удивительная трудоспособность, гибкость ума и характера, умение систематизировать материал, необыкновенный талант в составлении важных бумаг) будущий реформатор имел важное преимущество перед государственными служащими своего времени – он мог наблюдать за жизнью простого народа, имел достаточную возможность изучить российскую действительность, материальное обеспечение и духовное состояние разных слоев населения империи. На формирование политико-правового мировоззрения М.М. Сперанского во многом повлиял «раскол России на две субкультуры», произошедший после царствования Петра I. В связи с этим отмечается противоречивый характер мировоззрения М.М. Сперанского. С одной стороны, прослеживается политический либерализм мыслителя, а с другой – заметен правовой консерватизм[1]. Знание настоящего и понимание прошлого вселило в М.М. Сперанского веру в жизнеспособность российского общества, которая не покидала его в течение всей жизни.

Кодификационная деятельность М.М. Сперанского по упорядочению законодательства России относится уже к эпохе Николая I, с того времени исчисляется новый период в государственной деятельности реформатора.

[1] *Тимошина Е.В.* Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. 2001. № 3. С. 220.

Так, возглавив и осуществив работу по систематизации законодательства, ученый фактически закладывает основы российской юриспруденции и правового государства. М.М. Сперанский в своей деятельности кодификатора много взаимодействовал с Н.М. Карамзиным, прислушиваясь к его позиции по вопросам государственного устройства и управления.

Анализирую тексты работ и сущность реформ государственного управления М.М. Сперанского, видим, что в империи предполагалось ввести передовой принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную[1]. В 1809 г. был окончательно готов План государственного преобразования М.М. Сперанского, написана книга «Введение к Уложению государственных законов», а через год образован Государственный Совет. Каждая из трех ветвей получала свой высший орган: законодательная – Государственный Совет (Государственная Дума проектировалась как нижняя палата парламента, но не была создана), исполнительная – Правительство из министров и их товарищей (заместителей), судебная – Сенат. При этом проект не предусматривал установления такого конституционного строя, при котором власть монарха была бы ограничена конституцией[2]. Закрепление принципа разделения властей распространялось не только на уровень империи, но и на уровень губерний, округов, волостей. Важно отметить, что реформирование государственного аппарата должно было происходить снизу, начиная с самой маленькой административно-территориальной единицы – волости. В многообразии передовых идей М.М. Сперанского были реализованы не многие – введен Государственный совет, проведена министерская реформа, заложены основы научной организации государственной службы. В рамках проведенных реформ удалось устранить

---

[1] *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. Электронная версия с сайта: http://civil.consultant.ru/reprint/books/109/7.htm.

[2] *Кассихина В.Е.* М.М. Сперанский, его роль в развитии и становлении российского государства и права // Государство и право в XXI веке. 2017. № 20. С. 7.

архаичность министерского аппарата, ввести дополнительный коллегиальный орган, необходимый для решения вопросов государственной важности. Причинами, способствовавшими отторжению иных выдвинутых идей, по нашему мнению, являются сложные взаимоотношения между М.М. Сперанским и дворянским сословием, а также тяжелая экономическая и политическая ситуация в стране. Однако, на наш взгляд, проведение преобразований, предложенных реформатором, произвело бы качественные изменения в аппарате государственного управления.

Хочется отметить тот факт, что в начале XIX в. самодержавие постепенно осознало имеющиеся недостатки в сибирской управленческой системе, свидетельствующей о разнонаправленности развития местного государственного аппарата, что выражалось в очевидной необходимости поиска эффективной управленческой модели административно-территориального устройства региона и разграничения компетенции высших, центральных и региональных учреждений во властной вертикали управления. К сожалению, начала, заложенные в реформах М.М. Сперанского, в XIX в. не удалось развить в полной мере. Реформа 1822 г. означала победу бюрократического начала в сибирском управлении, поскольку М.М. Сперанский отказался от привлечения к управлению выборных представителей от местного населения. Самодержавие в вопросах сибирской административной политики зашло в тупик, выход из которого пытались искать на путях региональной централизации власти и усиления бюрократизации на всех уровнях управления. Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М.М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. Несомненно, сибирская административная реформа 1822 г. явилась важным шагом на пути рационализации местного управления, введения его в правовые рамки. Не

случайно многие положения сибирской административной реформы М.М. Сперанский затем пытался внести в общероссийское законодательство.

Вследствие продолжающегося процесса реформирования государственного управления в настоящее время, нам представляется актуальным сопоставление идей М.М. Сперанского с конституционными положения действующего Основного закона России.

Обращаясь к основам конституционного строя, закрепленным в главе первой Конституции Российской Федерации, и главе второй первого отделения «Введения к уложению государственных законов» М.М. Сперанского, отмечаем общую идею осуществления властных полномочий в стране, когда единственным источником власти признается народ. Провозглашение основополагающего принципа разделения властей в главе первой первого отделения указанной работы соотносится с современной нормой, изложенной в статье 10 Конституции России.

Согласно статьям 94 и 95 ч. 1 Конституции России, парламент является представительным и законодательным органом государства, состоящим из двух палат. По проекту М.М. Сперанского конституционная роль Государственного Совета заключалась в обсуждении законодательных проектов. Полемику в науке вызывают противоречивые положения плана об учреждении Государственной Думы в виде законодательного или законосовещательного органа[1].

Относительно исполнительной власти, отмечаем существенные черты: по проекту М.М. Сперанского министерства являются аналогами современных министерств по своему существу, однако, их количество в настоящий момент гораздо больше (в силу исторических и иных факторов). Также следует обозначить единство сравниваемых систем, так, по кругу вопросов, решаемых министерствами, согласно проекту М.М. Сперанского и

[1] *Пронкин С.В.* Политико-юридическое содержание «Введения к уложению государственных законов» в отечественной исторической науке // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2009. № 2.

современной Конституции РФ, выделяется еще одна общая черта: компетенция министерств аналогична современной компетенции Правительства РФ.

Рассматривая проблемы реализации принципа разделения властей, М.М. Сперанский считал необходимым решение вопроса об ответственности исполнительной власти перед законодательной. В контексте современности следует отметить, что контрольные полномочия в отношении Правительства Государственная Дума Российской Федерации получила сравнительно недавно, путем внесения соответствующей конституционной поправки 2008 г. [1] В настоящее время в проекте конституционных преобразований предлагается утверждение и освобождение от должности Председателя Правительства Российской Федерации, его заместителей и федеральных министров Государственной Думой [2]. По мнению М.М. Сперанского, в условиях самодержавной власти и отсутствия демократических традиций, подобные нововведения о праве Думы назначать или отстранять министров от должности были неосуществимы и не целесообразны.

В сфере судебной власти выделяется главный принцип: правосудие осуществляют лишь органы судебной власти.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что изучение идей и деятельности М.М. Сперанского как одного из наиболее выдающихся и успешных реформаторов в истории страны важно для настоящего и будущего России, для выработки оптимальной стратегии реформирования государства. Наблюдается преемственность либерально-демократических идей М.М. Сперанского в условиях конституционно-реформаторских усилий в настоящее время.

---

[1] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации».

[2] Проект закона № 885214-7 «О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти».

Список литературы

1. *Гордин Я.* Декабристы и их время. М., 1951.

2. *Дружинин Н.М.* Очерки из истории движения декабристов. М., 1955.

3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации».

4. *Кассихина В.Е.* М.М. Сперанский, его роль в развитии и становлении российского государства и права // Государство и право в XXI веке. 2017. № 20. С. 4–13.

5. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1–2. М., 1955.

6. *Тимошина Е.В.* Рукописное наследие М.М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. 2001. № 3. С. 220–224.

7. *Томсинов В.А.* Светило русской бюрократии (М.М. Сперанский). М., 1997.

8. Проект закона № 885214-7 «О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти».

9. *Пронкин С.В.* Политико-юридическое содержание «Введения к уложению государственных законов» в отечественной исторической науке // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2009. № 2. С. 95–118.

10. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. Электронная версия с сайта: http://civil.consultant.ru/reprint/books/109/7.html - С. 4, 9.

11. *Сперанский М.* Руководство к познанию законов // Русский архив. 1992.

12. *Сперанский М.М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России 1803 г. // Историческое обозрение: Сб. Ист. об-ва. СПб., 1901.

13. *Сперанский М.М.* Краткое начертание государственного образования. Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам. Проект учреждения Правительствующего сената // Политическая история России. Хрестоматия. М., 1996.

14. *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М., Л., 1961.

15. *Чернов С.Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960.

Р.Р. Сабирова

С.Ю. Витте как один из основоположников российского конституционализма

Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – один из величайших политиков

истории, который оставил свой вклад во всех основных сферах жизнедеятельности: экономической, социальной, политической и духовной. Личность, которая могла найти решение даже при самых тяжелых обстоятельствах. Человек, который выбирал единственный верный на тот момент выход из ситуации. Причинами его преобразований и стремлений были развитие государства, модернизация и становление России на один ряд с ведущими Европейскими державами. Современники Витте характеризовали его как человека целеустремленного, со стратегическим мышлением, твердой волей, колоссальной энергией и большим трудолюбием[1].

Деятельность Витте, как и его личность в целом, по нашему мнению, носит исторический и прорывной характер и не может оставаться без внимания. 1892-1906 гг. можно смело называть «эпохой Витте», так как именно он являлся главным руководителем и участником всех значимых событий данного периода и первым индустриализатором страны. Цель, к которой стремился Сергей Юльевич, была сложной – сделать из России, которая имеет неограниченные возможности, государство уровня высокоразвитых стран Европы, усилив её влияние и могущество[2].

Одной из средств достижения этой цели являлось формирование конституционализма в России, а именно принятие двух базовых документов, которые использовались и дополнялись в дальнейшем различными учеными – это Манифест от 17 октября, автором которого является С.Ю. Витте, и Основные Государственные законы Российской империи, к созданию которого Сергей Юльевич причастен непосредственно.

Принятию Манифеста от 17 октября 1905 г. предшествовало критическое время – нарастание кризиса, революционные события. В тот момент Петербург остался без уличного транспорта и железнодорожного сообщения, частично – без освещения и связи, бастовали работники различных организаций: банков, почты, типографии. Для прекращения общественных волнений

---

[1] *Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. СПб., 2008. С. 100.

[2] Там же. С. 167.

Сергеем Юльевичем было предложено предоставление гражданских свобод населению. В его записке Государю предлагались реальные шаги для государственных преобразований. В ней говорилось о необходимости перехода к законодательному представительству (созыву Думы) и о неизбежности введения в будущем всеобщего избирательного права. В качестве срочных мер предлагалось создать объединенное министерство и преобразовать Государственный Совет.

Данная записка вскоре была отредактирована, пересмотрена и опубликована как Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Документ содержал следующие положения:

1. Обеспечение населения гражданскими свободами, такими как неприкосновенность личности, свобода совести и слова, свобода собраний и союзов;
2. Введение всеобщего избирательного права;
3. Проведение выборов в Государственную думу;
4. Государственная Дума становится органом, который должен одобрять закон, в противном случае последний не будет иметь юридической силы[1].

Отношение к Манифесту было различным: одни (а именно, либералы) реагировали положительно, другие считали, что документ ознаменовывает прекращение существования самодержавного строя. В любом случае, Манифест стал практически фундаментом конституционного права России.

Для реализации своего проекта Витте был назначен председателем Совета Министров. Однако, Сергей Юльевич не имел возможности составить новое правительство, соответствующее духу Манифеста. Несмотря на продолжающееся недовольство, Витте совладел ситуацией и прямо поспособствовал стабилизации тяжелого положения страны к концу декабря 1905 г. Сбив пламя революции и относительно нормализовав обстановку в стране, он смог уделить большое внимание проблемам, связанным с реализацией по-

[1] Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И.Чистяков. М., 1994. С. 41.

ложений Манифеста 17 октября, главным из которых был переход к парламентаризму в России.

Благодаря предложению Сергея Юльевича, Государственный Совет стал законодательным, частично выборным органом.

Следующим значимым шагом на пути к правовому государству стало принятие Основных законов, где одна из главных ролей снова принадлежала Витте.

Основные Государственные законы Российской империи можно считать фактически первой Конституцией России. В качестве образца служила Конституция Пруссии 1850 г. В основу был положен проект государственного секретаря П.А. Харитонова, учитывающий документы российских либералов и европейские Конституции.

Основные государственные законы включали в себя вводную часть и 5 глав (82 статьи). Данный документ регулировал разделение полномочий между императором и Парламентом (Государственный Советом и Государственной Думой)[1].

За императором оставалась законотворческая деятельность (законы утверждались именно императором, иначе не имели юридической значимости), однако законопроекты, не одобренные Государственным Советом и Государственной Думой, считались отклоненными. Глава государства мог издавать, в соответствии с законами, указы и повеления, (подзаконные акты). Так, к примеру, государственный бюджет принимался Государственной Думой, но утверждался Государственным Советом и императором.

Главная функция Государственной Думы - обсуждение и разработка законопроектов. Законы о выборах в Госдуму и об изменении ее статуса должны были утверждаться самой Думой. Одобренные Госдумой законодательные предположения в виде «мнения» поступали в Государственный совет и

[1] *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. М., 2000. С. 564.

после одобрения или отклонения им - к императору, который выносил окончательное решение.

В Основных законах были провозглашены права гражданской свободы. Российским подданным гарантировались право на неприкосновенность личности, жилища и собственности, право устраивать собрания, общества и союзы («в целях, не противных законам») и свободу веры[1].

Добившись получения спасательного для монархии займа и подготовив открытие I Государственной Думы, Витте подал царю прошение об отставке. Рескрипт об его освобождении от должности председателя Совета министров был подписан Николаем II 22 апреля 1906 года в Царском Селе. Витте получил одну из высших наград империи – орден Св. Александра Невского. Кроме того, император, осознавая значимость вклада Сергея Юльевича, как в развитие определенных отраслей, так и всей страны в целом, и выражая своё почтение приписал: «с бриллиантами» и «искренне благодарный»[2]. Сам Витте также понимал уникальность и необходимость Манифеста, так как по его завещанию дата «17.10.1905» была выбита на его надгробии.

Деятельность и идеи Витте продолжали свое существование и развитие даже после его отставки в последующих реформах, воплощенных в жизнь Столыпиным. Кроме того, его несоизмеримые преобразования находят свои отголоски до сих пор, так как именно благодаря двум описанным выше документам мы сейчас имеем свою собственную Конституцию такой, какая она есть.

Список литературы

1. *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. М., 2000. –

2. *Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. СПб., 2008.

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. Отд. I. СПб., 1905. С. 459.

[2] *Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. С. 434 .

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. Отд. I. СПб., 1905.

4. Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994.

ЧАСТЬ II
ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

М.С. Абрамовская

Изменение государственной политики в отношении подданных иностранных государств в период Первой мировой войны на примере Российской империи

В теории международного права война рассматривается как явление, затрагивающее национальные интересы и не влияющее на правоспособность частных лиц. С этой точки зрения война ведется между государствами, но не между частными лицами – гражданами этих государств[1]. В то же время общественно-политическая мысль начала XX века рассматривала влияние войны на частные права граждан как дискуссионный вопрос. В свое время Ж.Ж. Руссо писал: «война – это отношение отнюдь не человека к человеку, но Государства к Государству, когда частные лица становятся врагами лишь случайно и совсем не как люди и даже не как граждане, но как солдаты»[2]. Эта идея была воспринята представителями немецкой школы международного права. По мнению А.В. Гефтера, международное право не дозволяет поражать во время войны гражданских прав неприятельских подданных[3]. Людер писал, что «частные лица не суть неприятеля … правовой порядок не уничтожается войной»[4].

С другой точки зрения война — это новое, вызванное ею, отношение

---

[1] *Нольде Б.Э.* Законодательство о частных правах неприятельских подданных // Право. 1915. № 17. Ст. 1231.

[2] *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. – Litres, 2020. С. 7.

[3] *Нольде Б.Э.* Законодательство о частных правах… Ст. 1233.

[4] Там же.

воюющего государства к частным лицам неприятельского подданства и отношение частных лиц воюющих держав друг к другу[1]. Голландский ученый Корнелис ван Бейнкерсхук[2] в своей работе «Вопросы публичного права» определяет феномен войны не только через отношения между монархами (главами государств), но и как взаимодействие между гражданами[3]. Согласно Бейнкерсхуку, с началом войны между подданными воюющих стран прекращается правовой оборот и любая торговля даже при отсутствии законодательных запретов. Государство с началом войны получает право отчуждать в свою пользу всё недвижимое и движимое имущество неприятельских подданных, включая иски и долговые требования[4].

Германская, итальянская и российская политико-правовая мысль схожа с идеями Руссо, в то время как английская и французская доктрины ближе к теории Бейнкерсхука. Мировая война продемонстрировала, что первая из этих доктрин не нашла своего практического применения, в то время как вторая оказалась хорошо адаптированной к изменяющейся правовой действительности.

В данной работе проанализированы материалы газеты «Право» за 1914 и 1915 годы, а именно судебная практика и правовые акты, принятые в первые годы Первой мировой войны, содержание которых непосредственно связано с регулированием правоотношений с подданными иностранных государств. В качестве теоретической основы исследования использована статья профессора барона Бориса Эммануиловича Нольде «Законодательство о частных правах неприятельских подданных», опубликованная еженедельной

---

[1] Там же. Ст. 1231.

[2] Корнелис ван Бейнкерсхук (1673–1743), голландский юрист и теоретик права, чьи идеи оказали огромное влияние на дальнейшее развитие международного права. Несмотря на то, что труды ученого относятся к XVIII веку, именно идеи Бейнкерсхука были положены в основу французской и английской доктрины, которая описывается ниже.

[3] См: *Нольде Б.Э.* Законодательство о частных правах… Ст. 1233.

[4] Там же.

юридической газетой «Право» в номерах 17, 18, 19 за 1915 год, а также дополняющая ее статья «Еще о частных правах неприятельских подданных», опубликованная в том же году в выпуске № 24.

Для рассмотрения вопроса об ограничении прав неприятельских подданных, необходимо установить содержание понятия «неприятель», характерное для начала Первой мировой войны. Россия, Франция[1], Австро-Венгрия[2] и Германия[3] принципиально настаивают на отождествлении всех подданных воюющих государств с неприятелями для целей ограничительных актов в области гражданского права[4]. К ним также приравнивают лиц, имеющих разрешение на пребывание в неприятельской стране на момент обсуждения их правоспособности или правоотношений. Иными словами, лицо признается неприятелем постольку, поскольку имеет местожительство в неприятельской стране независимо от страны его подданства и с потерей такого местожительства лицо перестает быть неприятелем. В соответствии с германским и австро-венгерским законодательством общества и компании признаются неприятельскими, если они находятся в неприятельской стране – «национальность юридического лица есть его местопребывание»[5]. Российское законодательство определяет «национальность юридического лица» согласно тому, по какому праву оно возникло – неприятельскими признаются организации, основанные в одном из враждебных государств в соответствии с законом этого государства[6]. Французская доктрина определяет национальную принадлежность лица по происхождению капитала компании[7].

---

[1] См.: Французский декрет от 27 сентября 1914 года.

[2] См.: Указ Совета Министров от 22 октября 1914 года, пункт 1.

[3] См.: Указ о запрещении платежей в Англию от 30 сентября 1914 года.

[4] *Нольде Б.Э.* Законодательство о частных правах… Ст. 1380.

[5] Указ от 22 октября 1914 года (Австро-Венгрия), Указ от 20 сентября 1914 года о запрещении платежей, Указ от 7 августа 1914 года об ограничении прав иска (Германия).

[6] Положение 21 февраля 1915 года об ограничении прав подданных воюющих с Россией государств по привилегиям на изобретения (ст. 5).

[7] *Нольде Б.Э.* Законодательство о частных правах неприятельских подданных //

Английское законодательство [1] при определении «неприятеля» основывается на критерии «экономического местожительства», то есть неприятелем признается тот, кто живет или занимается коммерческой деятельностью в неприятельской стране, независимо от подданства. Иными словами, англичанин, живущий на территории неприятельского государства, также признается неприятельских поданным. Общества и компании признаются неприятельскими аналогично с российским законодательством – по закону страны, в которой организация была основана и которому подчиняется[2].

Вторжение войны в гражданские права иностранных граждан и организаций вылилось в длинный перечень законодательных, административных и судебных актов, ограничивающих правоспособность неприятельских подданных. Германия первая вступила на этот, издав указ от 7 августа 1914 г.[3], согласно которому лица, не имеющие местожительство в Германии, были лишены судебной охраны. Кроме того, имперскому канцлеру было предоставлено право лишать охраны даже иностранцев, имеющих место жительства в Германии. 30 сентября введен запрет на осуществление платежей в пользу англичан на территории Германии [4], 20 октября аналогичный запрет был введен против Франции[5]. Запрет на осуществление платежей против России был введен 19 ноября 1914 года.

Франция издала декрет о запрещении торговых сношений с Германией и Австро-Венгрией от 27 сентября 1914, следом за которым последовали

Право. 1915. № 18. Ст. 1312.

[1] Прокламация о торговле с неприятелем № 2.

[2] *Нольде Б.Э.* Законодательство о частных правах… Ст. 1313.

[3] Германский указ об осуществлении требований лиц, не имеющих в стране местожительства от 7 августа 1914 года.

[4] Германское объявление о запрещении платежей против Англии от 30 сентября 1914 года.

[5] Германское объявление о запрещении платежей против Франции от 20 октября 1914 года.

Циркуляры о секвестре неприятельской собственности от 8 октября, 12 октября, 3 ноября, и 14 ноября[1]. Английские правовые акты, изданные в первый год войны, были посвящены в основном ограничениям торговли с неприятелями[2], а потому не будут здесь рассмотрены.

Ограничения частных прав неприятельских подданных в Российской империи были применены во многих отраслях права. Существенные изменения претерпела кредитно-денежная сфера. Совет министров установил ограничение на получение вкладов неприятельскими подданными до 500 рублей[3], а также допустил вывод капитала в размере не более 500 рублей в месяц[4]. Далее последовал Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату, подписанный 22 мая 1915 года[5], запрещающий выплаты свыше 500 рублей в месяц при совершении любых кредитно-финансовых операций неприятельскими подданными. Кроме того, постановлением Совета министров неприятельские подданные должны были быть исключены из городских кредитных обществ и обществ взаимного[6], а также из числа членов

---

[1] Французский циркуляр о секвестре неприятельской собственности от 8 октября 1914 года, Французский (второй) циркуляр о секвестре неприятельской собственности от 13 октября 1914 года, Французский (третий) циркуляр о секвестре неприятельских предприятий от 3 ноября 1914 года, Французский (четвертый) циркуляр о секвестре неприятельский предприятий от14 ноября 1914 года.

[2] Английская прокламация о торговле с неприятелем от 5 августа 1914 года, Английское правительственное сообщение об истолковании прокламации о торговле с неприятелем от 22 августа 1914 года, Английская прокламация о торговле с неприятелем №2 от 9 сентября 1914 года, Английский акт о торговле с неприятелем от 18 сентября 1914 года, Английская прокламация, изменяющая прокламацию о торговле с неприятелем №2, от 8 октября 1914 года.

[3] Сообщение № 7 // Право. 1915. № 21. Ст. 1562.

[4] Сообщение № 3 // Право. 1915. № 22. Ст. 1621-1622.

[5] Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату, подписанный 22 мая 1915 года // Право. 1915. № 23. Ст. 1669.

[6] Сообщение №2 // Право. 1915. № 18. Ст. 1335.

учреждений мелкого кредита[1]. Также был разработан проект закона об ограничении кредитования неприятельских подданных[2]. Однако в дальнейшем был издан Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату 14 сентября 1915 года, согласно которому запрет на выдачу вкладов неприятельских подданных не распространялся на лиц, которым было разрешено проживание на территории Российской империи[3].

Российский указ о запрете платежей 15 ноября 1914 года был построен следующим образом: платеж не мог производиться лишь подданным неприятельского государства, а лица нейтральной или союзной национальности, равно как и русские подданные своим пребыванием в пределах неприятельской страны не лишались права получить платеж из России[4]. В сравнении с полным запретом платежей в пользу неприятельских подданных на территории других государств, российский указ можно оценивать как достаточно гибкий, поскольку он предусматривал ряд исключений и был сфокусирован сугубо на ограничении прав неприятельских подданных враждебных стран. Льготный режим ограничений либо их отсутствие устанавливались для иностранных подданных славянского происхождения, а также для лиц христианского вероисповедания. По одобрению Совета министров льготы были предоставлены неприятельским подданным, которым было разрешено проживание на территории Российской империи. Кроме этого, на них распространялось действие права на судебную защиту в том же объеме, что и для подданных нейтральных государств. В частности, действия льгот распространялись на болгарских, германских, австрийских, венгерских подданных славянского происхождения.

---

[1] Сообщение №3 // Право. 1915. № 40. Ст. 2513-2514.

[2] Сообщение №9 // Право. 1915. № 19. Ст. 1437.

[3] Именной Высочайший указ Правительствующему сенату от 14 сентября 1915 года // Право. 1915. № 39. Ст. 2247.

[4] *Нольде Б.Э.* Законодательство о частных правах… Ст. 1308.

Иностранные подданные в большинстве случаев также, как и в Германии, были лишены права на судебную защиту и не могли выступать в судах в качестве истцов[1]. Был установлен запрет на владение и пользование землей австрийскими, венгерскими и германскими подданными (закон от 2 февраля 1915 года). Следует отметить, что в закон достаточно часто вносились уточняющие изменения и издавались различные акты, направленные на создание надзорного аппарата по его исполнению. Также был установлен запрет на приобретение неприятельскими подданными недвижимости[2] и была ограничена выдача промысловых свидетельств для подданных воюющих с Россией держав вплоть до окончания войны[3].

Стоит заметить, что ограничения, связанные с войной, касались, в основном, имущественных прав. При этом государство не сочло необходимым вмешиваться в вопросы семейного права. Так, например, согласно разъяснениям консистории священникам было разрешено регистрировать брак между женщинами-подданными иностранных государств и русскими мужчинами[4].

Резюмируя вышесказанное, введенные Российской империей в первый год войны частно-правовые ограничения были ориентированы, в основном, на регулирование имущественных и связанных с ними личных неимущественных прав. Наибольшее внимание со стороны государства уделялось кредитно-денежной политике, вопросам неприятельского землевладения и надзора за предприятиями с иностранным капиталом. Анализируя ограничения в отношении совершения трансграничных платежей между частными лицами в разных странах, следует отметить, что российское регулирование было достаточно гибким в закреплении различного рода

---

[1] Разъяснение Правительственного сената от 9 февраля 1915 г. Сообщение №2 // Право 1915. № 16. Ст. 1191.

[2] Ответ подписчику (2) // Право. 1915. № 26. Ст. 1846.

[3] Сообщение №10 // Право. 1915. № 28. Ст. 1927.

[4] Сообщение №3 // Право. 1915. №16. Ст. 1195.

исключений для союзных или нейтральных стран. В то же время такая характерная особенность российской внешней политики, как поддержка народов славянского происхождения и христианского вероисповедания, также нашла свое отражение в правовых и административных актах военного времени. Как сказано ранее, для этих категорий лиц были существенно смягчены или отменены запреты на совершение и получение платежей, даже если эти лица являлись подданными неприятельских государств.

Возвращаясь к теоретической дискуссии начала XX века, мы видим, что ограничения частных прав иностранных подданных в Российской империи и законодательства стран-участниц Первой мировой войны продемонстрировали несостоятельность доктрины ведения войны сугубо между государствами, поскольку вопросы публичного порядка и безопасности оказались напрямую связаны с необходимостью ограничения гражданских прав.

Список литературы

Нольде Б.Э. Законодательство о частных правах неприятельских подданных // Право. 1915. № 17–19.

Право. 1915.

Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М., 2020.

М.А. Белов

Идеологические основания функционирования государства в теоретической мысли М.А. Рейснера[1]

Идея государства есть сама по себе политическая программа.
М.А. Рейснер. Государство. Идеология и метод

Михаил Андреевич Рейснер – отечественный правовед, социальный психолог и философ не является широко известной личностью в современной истории правовой мысли[2]. Такое его положение, однако, представляется незаслуженным, ведь своей интуицией и разработанной им теорией государства, он смог предвосхитить идеи многих мыслителей, последовавших после него. Конечно, они вряд ли читали его работы, что только подтверждает проницательность ума М.А. Рейснера. В связи с этим предлагается провести тезисную ревизию мысли российского и советского ученого в целях последующих исследований на основе его теории.

М.А. Рейснер был приверженцем марксизма, но его понимание государства расходилось с марксистско-ленинской доктриной. Так, новизна подхода к изучению государства, предложенная юристом, заключается в рассмотрении государства как социально-психологического феномена[3]. В связи с этим нас не будет интересовать теория материалистического происхождения государства. Объектом нашего внимания будет рассмотрение государства как института, функционирующего на идеологических

[1] Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ «Новые социетальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

[2] *Данилевская И.Л.* М.А. Рейснер о правовом государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 6. С. 152.

[3] *Працко Г.С., Болдырев О.Н.* Развитие психологической теории права в работах М. А. Рейснера // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 18.

основаниях. Идеология как совокупность идей, принципов и идеалов, является постоянной спутницей любого общества. Проблема государства и права с этой стороны, утверждает правовед, является идеологической, а также психологической[1]. Психологизм играет важную роль в теоретической системе М.А. Рейснера. В своей работе 1908 г. «Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология» автор, как следует из названия, совмещает идеи другого известного правоведа и идеи марксизма. Государственная идеология заключается в том, что люди воспринимают идеи самостоятельно развивающимися. Задачей марксизма является вскрытие этой идеологии[2]. По утверждению Рейснера, государство явилось первой идеологией[3], а значит первой идеей, которая начала развиваться «самостоятельно». Подтверждение этому мы находим в современных исследованиях Кембриджской школы интеллектуальной истории. Государство как конкретное понятие возникает в определенный исторический период в том числе благодаря усилиям юристов[4]. Предыдущие политические объединения не существовали самостоятельно. К примеру, res publica никогда не была субъектом действия, коим сегодня является государство[5].

Продолжая развивать идеи психологизма в дальнейших работах, ученый указывает, что психика людей, верующих в государство характеризуется тем, что они воспринимают идею власти как превозмогающую силу, что в итоге приводит к созданию иллюзии государства[6]. Предметом учения о государстве, таким образом, также является массовое поведение людей[7].

---

[1] *Рейснер М.А.* Государство. Ч. 1. Идеология и метод. М., 1918. С. IX.

[2] *Рейснер М.А.* Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 126.

[3] *Рейснер М.А.* Теория Л.И. Петражицкого... С. 126.

[4] *Скиннер Кв.* The State // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей. СПб., 2002. С. 12–74.

[5] *Хархордин О.В.* Республика. Полная версия. СПб., 2021. С. 32.

[6] *Рейснер М.А.* Государство. С. XLI.

[7] Там же. С. XL.

Такое понимание предмета исследования приводит к утверждению, что государственная власть как создание многих психологий не будет идентичной в понимании разных людей. К примеру, в осознании крестьянина и министра[1]. Это утверждение является контрапунктом для другого советского юриста Е.Б. Пашуканиса. Пашуканис не признавал лишь «идеальный» характер государства, указывая на то, что дороги, канцелярия, армия являются проявлениями государственности[2]. Рейснер, однако, затрагивает важный недостаток марксистской теории государства, а именно ее материалистическое понимание государства как аппарата принуждения. В таком классическом изводе марксистско-ленинская теория утверждает, что переходной формой между существующим государственным строем и бесклассовым обществом является государство с диктатурой пролетариата. Несмотря на то, что в революционный период государство вновь может начать олицетворять народ, понимание этой системы остается прежним. Подобная формация продолжает мыслиться в буржуазных терминах, а значит государство как идеология с приходом диктатуры пролетариата не уходит, но только укрепляется и превращается в диктатуру пролетаркой канцелярии. Эти размышления предвосхищают несостоявшийся проект самоубийства государства, который должен был произойти в стране победившей революции. О неизбежности отмирания государства как аппарата угнетения, так и права как инструмента власти буржуазии, писали и В.И. Ленин в работе «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции», и полемизировавший с М.А. Рейснером Б.Е. Пашуканис. Государство, однако, явилось трансцендентным условием сдерживания желания, за которым последовали еще большие ограничения[3].

Психологический аспект важен для понимания функционирования

---

[1] Там же. С. XXXV.

[2] *Пашуканис Б.Е.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1927. С. 32–33.

[3] *Newman S.* Political Theology: A Critical Introduction. Cambridge, 2019. P. 79.

бюрократии. Власть проявляется в действиях людей, разыгрывающих политические роли в государственной драме [1]. Рейснер, указывая на совпадения в поведении чиновников и иных государственных служащих со сценической деятельностью, показывает, что стремление совпадать сценически со своей ролью в конце концов приводит к тому, что и внутренние настроения, чувства и воля начинают предопределяться предписаниями, которые делают роль законченной [2]. Учтем тот факт, что театральная постановка имеет свои пределы, в то время как разыгрывание государства происходит непрерывно. Попадая в поле взаимодействия, называемое государством, официальные представители начинают действовать так, как будто государство действует через них [3]. Этому способствует механизм-представительства, который обеспечивает политико-правовую идентичность. Формирование представления о государстве как автономном институте формируется через убеждение населения в том, что официальные лица представляют единство народа и выражают его волю[4]. Политики, как мудрецы, говорят от имени народа, то есть осуществляют прозопопею, когда сам народ не знает, что думать[5].

В предыдущих рассуждениях мы также можем увидеть другую фикцию, критикуемую М.А. Рейснером, а именно идею народа. Это обобщающая универсалия, как и идея государства, стремится к поглощению иных

---

[1] *Рейснер М.А.* Государство.. С. XLI.

[2] Там же. С. IX.

[3] *Назмутдинов Б.В.* Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex russica. 2020. № 6. Т. 73. С. 135.

[4] *Честнов И.Л.* Диалогичность постсовременного государства // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Воронеж, 2020. С. 21.

[5] *Бурдье П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. С. 123.

определений коллективного единства[1]. От отдельных людей отвлекается нечто общее, в случае государства принадлежность к одной территории или гражданство, становящееся безличной единицей, которая только и принимается во внимание при принятии решений[2]. Рейснер признает, что на определенном этапе государство отображало интересы большинства, но как только господствующая власть начинает встречать все большее сопротивление и недовольство, тем сильнее государство становится фантазмом, то есть отделяется от самого общества: «Независимость государственной идеи есть признак обострения классовых противоположностей и потери влияния со стороны господствующего класса»[3].

Мысль М.А. Рейснера проясняет нам сегодня принципиально важные моменты, касающиеся основ функционирования государства. Юриспруденции как науке не следует открещиваться от политики, а следовательно, от идеологии, ведь она составляет ее сущностный характер как науки. Государство, будучи фундаментальным понятием в отечественной юриспруденции, несет с собой догму о том, что право есть творение суверена и не существует вне государства[4]. Даже такая формулировка несет с собой вечный вопрос: «А судьи кто?». Получается, что право формируется определенными лицами, обладающими культурным капиталом и наделенными специальными полномочиями высшей инстанцией, а именно государством. Эти лица, однако, не способны действовать только в официальном качестве, олицетворяя тем самым идеальный тип бюрократа, ведь они тоже люди. Они имеют свои страсти и желания, а также должны репрезентировать в своем статусе желания своих референтных групп, то есть выборщиков, ведь в этом и заключается смысл представительной демократии.

---

[1] *Рейснер М.А.* Государство.. С. XXIX.

[2] Там же. С. 74.

[3] *Рейснер М.А.* Теория Л.И. Петражицкого…. С. 139–140.

[4] *Назмутдинов Б.В.* Критические концепции государства… С. 123.

Мы оставляем за скобками сущее, но даже в таком понимании должного видно, что люди никогда не свободны от идей, ценностей и принципов, а значит, как и утверждал М.А. Рейснер, идеология сопутствует любому обществу. Но, как подчеркивают современные теоретики, отказавшись от идеи государства, мы обнаружим попытки государственных служащих и политиков навязать условное единство, что также откроет пространство критики государственного театра[1]. Юриспруденции в свою очередь это позволит выйти на исследования неофициального, неформализованного права, объективно существующего в социальном мире, что позволит не только переосмыслить существующий словарь правовой теории, но и открыть новые горизонты для ее развития.

Список литературы

Бурдье П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и П. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. М., 2016.

Данилевская И.Л. М.А. Рейснер о правовом государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 6. С. 152–168.

Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019.

Назмутдинов Б.В. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex russica. Т. 73. 2020. № 6. С. 122–138.

Пашуканис Б.Е. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1927.

Працко Г.С., Болдырев О.Н. Развитие психологической теории права в работах М. А. Рейснера // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 16–20.

Рейснер М.А. Государство. Ч. 1. Идеология и метод. М., 1918.

Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 126.

Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2002. С. 12–74.

Хархордин О.В. Республика. Полная версия. СПб., 2021.

[1] *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. С. 57.

Честнов И.Л. Диалогичность постсовременного государства // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт. Воронеж, 2020. С. 19–23.

Newman S. Political Theology: A Critical Introduction. Cambridge, 2019.

А.М. Гужавина

Институциональное оформление молодежной политики советского государства в первой трети XX века

Сегодня в России уделяется большое внимание молодежной политике. Буквально с 2020 года понятие «молодежная политика» было узаконено Федеральным законом «О молодежной политике»[1]. На сегодняшний день детское, студенческое, молодежное общественное движение проявляется в разных формах – от органов студенческого и школьного самоуправления до общественных организаций[2]. В условиях повышения интереса к вопросу «политического» воспитания молодежи и некоторого контроля ее деятельности со стороны государства актуальным становится изучение исторического опыта взаимодействия государства и молодежи, молодежной самоорганизации, молодежного движения. От того, как и в какой форме происходит это взаимодействие, зависит развитие государства, его внутренняя стабильность, его будущее. В этой связи особое значение приобретает роль органов власти в реализации молодежной политики для молодежи и дальнейшего развития государства.

В данной статье будет рассмотрено институциональное оформление молодежной политики и организации молодежи в России в первой трети XX века, в особенности, деятельность Всероссийского Ленинского

[1] Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

[2] *Галиева Д.С., Гужавина А.М.* «Документирование управленческой деятельности Федерального агентства по делам молодежи»/ Делопроизводство. 2020. № 3. С. 79–83.

Коммунистического Союза Молодежи с 1918 г. по 1930 г. Данные хронологические рамки можно считать периодом становления ВЛКСМ, его развития и формирования как органа, отвечающего за молодежную политику в СССР.

Историография деятельности ВЛКСМ довольно обширна. Можно выделить труды Зосина Е.[1], Шохина А.[2], Рубцовой Л.А.[3], Гессена В.Ю.[4], Крупской Н.К.[5] и др. по истории ВЛКСМ.

Молодежное движение в России формировалось еще до революции 1917 г. При этом стоит разделить деятельность организаций рабочей и учащейся молодежи. Указанные виды молодежной самоорганизации имеют разные цели, задачи и методы достижения этих целей. Также отметим, что самостоятельные организации рабочей молодежи стали появляться позднее организаций учащейся молодежи и детских и подростковых организаций. До революции 1905 года рабочим было невыгодно разделяться на молодежь и старшее поколение. Организации рабочих представляли собой разновозрастные объединения.

В начале XX века было значительным число организаций, объединяющих верующую молодежь. До революции 1905 года превалировали молодежные объединения ученической, просветительской, спортивной, религиозной и иных направленностей. Например, одна из первых и крупнейших молодежных организаций «Северный союз учащейся молодежи», созданная в 1897 году, в своей программе ставила задачи борьбы со школьным режимом (запрет на курение, нахождение на улице в позднее

---

[1] *Зосин Е.* История ВЛКСМ. Краткий очерк в вопросах и ответах/ Под ред. проф. И.А. Хмельницкого; 2-е изд. Одесса, 1927.

[2] *Шохин А.* Краткий очерк истории комсомола. М.: Молодая гвардия, 1926.

[3] *Рубцова Л.А.* Историография истории создания комсомола. Дисс. … канд.ист.наук. М., 1979.

[4] *Гессен В.Ю.* Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. М.; Л., 1926.

[5] *Крупская Н.К.* РКСМ и бойскаутизм. М., 1923

время, ношение штатской одежды и т.д.). В программе данной организации отмечалось, что союз стоит «вне всякой партийности»[1].

С 1908 года в России активно набирало популярность скаутское движение. Фактически, это была единственная форма организации молодежи, которую организовала и поддерживала власть, императорская семья. Цесаревич Алексей стал почетным скаутом Царскосельской дружины. Основная цель скаутского движения – освоение азов военного дела в игровой форме с возможностью дальнейшего привлечения молодежи в русскую армию. В целом, скауты представляли собой объединение юных разведчиков. Первый съезд скаутов прошел в Москве в декабре 1915 года, спустя 7 лет после оформления скаутизма в России. На съезде обсуждались цели и задачи движения, среди которых к 1915 году уже значилось нравственное воспитание юношей. Речь шла о том, что «юному и незрелому поколению придется в будущем взять на себя всю тяжесть государственного, культурного и хозяйственного строительства России»[2]. В этой связи, можно отметить, что в идеи скаутизма уже стала закладываться мысль о молодежи как о будущем государства, чего не было ранее – «готовиться стать честным и достойным гражданином своей Родины..»[3]. Безусловно, на указанные изменения влияла внутриполитическая и внешнеполитическая обстановка России 1915 года.

Также на Первом съезде скаутов был принят Устав и утверждена организационная структура[4]: Всероссийский союз обществ «Русский скаут»; Центральный комитет Союза; Председатель; Вице-председатель; Члены комитета; Казначей; Секретарь; Главный скаутмастер; Инспектор союза; Местные общества содействия скаутам.

Комитет состоял из Председателя (Вице-председателя), членов комитета,

---

[1] *Гессен В.Ю.* Комсомол и юные пионеры.. С. 16

[2] Скаутизм в России. Труды Первого съезда по скаутизму 26-30 декабря 1915 г. в Петрограде. Пг., 1916.

[3] Там же.

[4] Скаутская иерархия // Справочник по скаутизму. М., 1916. С. 9–10.

казначея, секретаря, отрядов скаутов и начальников отряда.

Обществом «Русский скаут» с 28 декабря 1916 г. по 1 января 1917 г. был проведен Второй съезд скаутов. Скаутизм уже имел широкую популярность среди населения страны, существовало большое количество литературы на тему скаутизма, в связи с чем появились вопросы в терминологии и обозначении некоторых понятий и явлений. Стоит отметить, что были приняты 12 законов скаутов (в английской версии их 10), среди которых нет места исполнению долга перед Богом и Государем, но есть место преданности Родине, родителям и начальникам. К 1917 году насчитывалось уже около 50 тысяч скаутов в 143 городах[1].

После 1917 года деятельность скаутов начала преследоваться комсомольцами. Часть скаутов эмигрировала, часть пыталась влиться в комсомол, часть пыталась соединить скаутское прошлое и коммунистическое будущее в «юных коммунистах скаутах» и «пролетарских скаутах».

В 1917 году революционная ситуация стимулировала развитие молодежного движения в России, которое поначалу имело стихийный характер. Молодежь стремилась к объединению с целью действенного участия в строительстве нового общества[2]. Эсеровский союз молодежи в 1917 году отмечал необходимость наличия такого союза молодежи, который бы не ставил целью делать из молодежи большевиков или меньшевиков, интернационалистов или оборонцев, а дал бы возможность поднять культурный уровень и развить классовое самосознание[3].

В марте 1917 в Петрограде была учреждена организация «Труд и Свет»

---

[1] Официальный сайт Организации Российских Юных разведчиков: https://orur.ru.

[2] *Гужавина А.М.* Молодежное движение в годы революции и Гражданской войны: институциональный аспект // Государственность России в годы гражданской войны: Материала Круглого стола студентов и аспирантов. Москва, 14 ноября 2019 г. / Сост. и ред. Л.Д. Шаповалова. М., 2020. С. 42–57.

[3] «Эсэры – время не ждет»: из воззвания Эсеровского союза молодежи 1917 г. // Сборник воспоминаний, статей, материалов по истории возникновения юношеского движения в Москве. М., 1931. С. 75–76

(трудовики). В мае организация распалась.

В августе 1917 года был создан Петроградский «Социалистический союз рабочей молодежи», состоящий из фабрично-заводской молодежи. Союз объединил около двух десятков тысяч членов, имел свои ячейки почти на всех крупных заводах, носил характер массовой широкой организации рабочей молодежи[1]. Союз можно считать одним из предшественников ВЛКСМ, т.к. в дальнейшем он был преобразован в городскую организацию РКСМ.

В Москве же в апреле 1917 года был создан «Союз молодежи при МК РСДРП (б)», объединявший группу учащейся и рабочей молодежи. Своей целью организация ставила развитие в членах союза идеи революционного марксизма и помощь партии. В октябре 1917 года все члены Союза перешли в «Союз Рабочей Молодежи III Интернационала»[2].

По всей стране молодежь стала объединяться в союзы – в Нижнем Новгороде, Калуге, Великом Новгороде, на Урале, в Донской области, в Сибири и др. После 1917 г. движение стало появляться и в деревнях.

В понимании большевиков молодежь была инструментом построения будущего коммунизма, как через политику и идеологию, так и через культуру и образование. В резолюции VI Съезда РСДРП (б) (26 июля – 3 августа 1917 года) шла речь о том, что партийным организациям на местах необходимо обратить «самое серьезное внимание на дело организации молодежи». Партия стремилась к тому, чтобы молодежные организации, «будущий социалистический союз рабочей молодежи России» при своем возникновении примыкали к Интернационалу молодежи[3].

В этой связи большевики были заинтересованы в единой организации

---

[1] *Шацкин Л.А., Рывкин О.Л., Крупская Н.К., Скрытник Н.А., Безыменский А.И.* Первый Всероссийский съезд РКСМ, 29 октября – 4 ноября 1918 г.: Сборник / 3-е изд. М., 1926. С. 10–14

[2] Там же. С. 14–15

[3] 1 съезд РКСМ. 29 октября – 4 ноября 1918 г. Протоколы. М., 1990. С .132.

управления молодежью, ее воспитанием. В октябре 1918 года в местные комитеты РКП (б) была разослана телеграмма Народного комиссариата просвещения с вопросами о наличии коммунистических союзов молодежи на подотчетных территориях[1]. В анкете комитетам необходимо было ответить на вопросы о наличии молодежной организации, попытках и возможностях ее создать, наличии печатного органа, возможности прислать представителя в Москву на Всероссийский съезд союзов молодежи и др.

29 октября – 4 ноября 1918 года состоялся Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. Инициаторами проведения I съезда выступала партия, «Союз Рабочей Молодежи III Интернационала» и «Социалистический союз рабочей молодежи». На съезде присутствовало 175 делегатов, представлявших 22 100 человек организованной молодежи[2]. Произошло объединение местных организаций в Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). Съезд принял устав и программу новой организации, избрал руководящий орган – Центральный комитет.

Основой РКСМ была территориальная организация. Высшим органом территориальной организации являлась конференция, созываемая не реже одного раза в год. Высшим руководящим органом РКСМ был Съезд, созываемый не реже одного раза в два года. В период между съездами руководящим органом становился Центральный Комитет, созываемый не реже трех раз в год[3].

Центральный Комитет включал в себя шесть комиссий: агитационно-политическая, редакционно-журнальная, экономическо-статистическая, хозяйственно-финансовая, культурно-просветительская комиссия, а также секретариат и бюро[4].

---

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1. Л. 76.

[2] 1 съезд РКСМ. С. 32

[3] Там же.

[4] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Предисловие. Л. 1

Период деятельности коммунистического союза молодежи в 1918-1930 г.г. можно разделить на три этапа: 1918-1922 г.г. создание и оформление РКСМ, 1923-1927 г.г. становление ВЛКСМ как единоличного органа по работе с молодежью, 1927-1930 г.г. активное участие комсомольцев в строительстве коммунизма.

На первом этапе РКСМ оформлялся как орган, отвечающий за коммунистическое воспитание молодежи. В целом, можно сказать, что большевики понимали всю необходимость воспитания молодежи в духе коммунизма и стремились всячески организовать работу с молодежью, к чему и привело создание РКСМ и его первый съезд. Однако, при партийных ячейках на местах стали появляться отделы, дублирующие задачи РКСМ.

РКСМ также осуществлял попытки решения вопроса организации деятельности на местах. В этой связи была попытка создать инструкторские школы, которые создавались для связи Центра с местами. Школы должны были готовить представителей этого Центра на местах для дальнейшего увеличения кадрового состава. Однако, местные организации направляли представителей неохотно, да и у школы был дефицит лекторов, чтобы обеспечить ее деятельность. После опыта создания инструкторских школ при Высшей партийной школе была создана секция молодежи[1].

Взаимоотношения между Союзом и ЦК партии также были обозначены неясно. На I съезде РКСМ было отмечено, что партия и РКСМ солидарны в своих действиях и РКСМ берет на себя задачи коммунистического воспитания молодежи, вовлечение ее в активную политическую борьбу, защиту ее экономических и правовых интересов, совместную работу с западной молодежью, распространение среди нее точки зрения на строительство союзов и их интернациональное объединение. II Съезд РКСМ уже проходил под контролем партии. На съезде присутствовали и выступали Л.Д. Троцкий и А.М. Коллонтай. Однако, Устав РКП(б), принятый на VIII партийной конференции в декабре 1919 г., предусматривал для особых форм

[1] Второй Всероссийский съезд РКСМ, стенографический отчет. Пг., 1920. С. 18.

партийной работы выделение специальных организаций, которые существовали на правах отделов центрального, областных и губернских комитетов, не имея особых организационных задач. [1] В этой связи деятельность РКСМ была фактически подконтрольна ЦК партии. На III Съезде РКСМ была принята новая программа организации, в которой говорилось, что «единственной и массовой организацией молодежи в РСФСР является Российский Коммунистический Союз Молодежи…, который сплачивает под своим знаменем широкие массы пролетариев и крестьян…»[2]. Таким образом была провозглашена монополия одной молодежной организации.

Во время гражданской войны РКСМ оказывал помощь Красной Армии – было организовано три мобилизации комсомольцев на фронт, в 1922 году комсомол взял шефство над Красным Флотом, которое предполагало подготовку людей для флота, создание соответствующего настроения в широких массах трудящихся и материальную помощь флоту[3]. По неполным данным, только за 1918-1920 гг. от РКСМ было направлено в Красную армию свыше 75 тыс. комсомольцев.

Второй этап деятельности РКСМ начался с введения единого билета члена Союза молодежи и переименования в 1924 году в Российский Ленинский коммунистический союз молодежи и в 1926 году во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи. К январю 1924 года в Союзе уже насчитывалось 406,6 тыс. членов и 94 тыс. кандидатов в члены РЛКСМ[4]. В этот период уже не стоял вопрос создания ячеек РКСМ при ВУЗах, в деревнях, на фабриках и т.д.

---

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2./ 9-е изд. М., 1984.

[2] *Гужавина А.М.* «Молодежное движение в годы революции и Гражданской войны.

[3] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 101. Л. 144–145.

[4] Статистический сборник о состоянии РКСМ за период с 1 окт. 1922 г. по 1 янв. 1924 г. Вып. 1. М., 1924.

Переход к новой экономической политике способствовал развитию РКСМ в работе с молодежью, появлению новых форм взаимодействия. В деревнях стали создаваться школы крестьянской молодежи при ячейках РЛКСМ: сельскохозяйственный кружок крестьянской молодежи; годичные курсы на 50-75 и более человек; двухлетняя школа крестьянских подростков; развернутая школа крестьянской молодежи[1]. Основными задачами указанных форм школ крестьянской молодежи были ликвидация общей, политической и агрономической неграмотности в деревнях, хозяйственное строительство и развитие деревень и т.д. Велся строгий учет посещаемости молодежи школ, а также учет самих школ в деревнях.

Перед Союзом также стояла задача привлечения молодежи в свои ряды. Для этого составлялись планы вербовки, устанавливающие конкретные ее пути по губерниям, ячейкам. Проводилась политика дробления ячеек Союза. Например, на фабриках и крупных предприятиях предлагалось создать цеховые ячейки комсомола для более результативной работы по вовлечению молодежи.

Что касается взаимодействия ВЛКСМ с партией, то на данном этапе ВЛКСМ всецело поддерживал и одобрял деятельность ЦК. Партия в свою очередь способствовала развитию Союза, но все больше развитию взаимосвязи Союза и партии, не развитию молодежи. Стала формироваться строгая комсомольская номенклатура, в большинстве своем спускающая приказы на молодежь. «Живая комсомольская жизнь, тесное товарищеское общение, совместное обсуждение вопросов все больше заменяются приказом секретаря.. падает посещаемость комсомольских собраний» - писали комсомольские активисты Ленинградского губкома комсомола в 1926 году[2].

Третий этап деятельности ВЛКСМ выпал на активное социалистическое строительство. В период 1928-1931 гг. выросла численность комсомольцев с

---

[1] ВЛКСМ. Съезд (6, 1924; Москва). Решения VI Всесоюзного съезда РЛКСМ. М., 1924.

[2] РГАСПИ. Ф. 1м. Оп. 16. Д. 473. Л. 1–2а.

2 млн. до 5,4 млн.человек[1]. Комсомол проводил мобилизацию молодежи на крупные социалистические стройки, 23 декабря 1929 г. было принято Постановление «Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве»[2].

Жёсткий контроль со стороны партии коснулся отчасти и комсомольцев: ЦК ВЛКСМ организовывал проверки комсомольских кадров на местах, выступая некоторым проводником руководящих указаний центральных органов.

Таким образом, до революции молодежь в большинстве своем имела формы самоорганизации. Государство не принимало участия в развитии молодежных сообществ, тем более политически. Активное внедрение политических идей началось после первой русской революции, когда большевики начали обращать внимание на деятельность молодежи и осознавать необходимость работы с ней.

Этапы формирования ВЛКСМ – главного органа, фактически осуществляющего молодежную политику в государстве, имеют различия. Первый этап можно считать более демократическим, старающимся быть независимым от партии и работающим с ней в параллели. Второй этап – этап организационного формирования ВЛКСМ, создания системы всестороннего образования, вербовки в Союз, большему политическому давлению со стороны партии, идеологизации. В тоже время второй этап — это период формирования образа комсомольца, образа комсомольского быта. Третий этап характеризуется выполнением ВЛКСМ роли поставщика партийных кадров, трудовых ресурсов на строительство первых пятилеток, фактически полный контроль партии. В этой связи и работа с молодежью в указанные этапы проводилась по-разному, как и осуществлялось взаимодействие власти и молодежи.

В заключение следует отметить, что так или иначе партия проводила

---

[1] РГАСПИ. ВЛКСМ в цифрах. М., 1949. С. 137.

[2] Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве (Из резолюции VI пленума ЦК ВЛКСМ) // Известия ЦК ВЛКСМ. 1929. № 23.

свою политику и создание единого органа, реализующего коммунистическое воспитание молодежи, было организовано в целях дальнейшего построения социализма, правильного воспитания будущего поколения, путем влияния партии на молодежь через ВЛКСМ.

Список литературы

Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

1 съезд РКСМ. 29 октября – 4 ноября 1918 г. Протоколы. М., 1990.

ВЛКСМ. Съезд (6, 1924; Москва). Решения VI Всесоюзного съезда РЛКСМ. М., 1924.

Второй Всероссийский съезд РКСМ, стенографический отчет. Пг., 1920.

Галиева Д.С., Гужавина А.М. «Документирование управленческой деятельности Федерального агентства по делам молодежи»/ Делопроизводство. 2020. № 3. С. 79–83.

Гессен В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. М.; Л., 1926.

Гужавина А.М. Молодежное движение в годы революции и Гражданской войны: институциональный аспект // Государственность России в годы гражданской войны: Материала Круглого стола студентов и аспирантов. Москва, 14 ноября 2019 г. / Сост. и ред. Л.Д. Шаповалова. М., 2020. С. 42–57.

Зосин Е. История ВЛКСМ. Краткий очерк в вопросах и ответах/ Под ред. проф. И.А. Хмельницкого; 2-е изд. Одесса, 1927.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2./ 9-е изд. М., 1984.

Крупская Н.К. РКСМ и бойскаутизм. М., 1923

Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве (Из резолюции VI пленума ЦК ВЛКСМ) // Известия ЦК ВЛКСМ. 1929. № 23.

Официальный сайт Организации Российских Юных разведчиков: https://orur.ru.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1 Центральный комитет ВЛКСМ. (1918–1991).

Рубцова Л.А. Историография истории создания комсомола. Дисс. … канд.ист.наук. М., 1979.

Сборник воспоминаний, статей, материалов по истории возникновения юношеского движения в Москве. М., 1931.

Скаутизм в России. Труды Первого съезда по скаутизму 26-30 декабря 1915 г. в Петрограде. Пг., 1916.

Справочник по скаутизму. М., 1916.

Статистический сборник о состоянии РКСМ за период с 1 окт. 1922 г. по 1 янв. 1924 г. Вып. 1. М., 1924.

Шацкин Л.А., Рывкин О.Л., Крупская Н.К., Скрытник Н.А., Безыменский А.И. Первый Всероссийский съезд РКСМ, 29 октября – 4 ноября 1918 г.: Сборник / 3-е изд. М., 1926.

Шохин А. Краткий очерк истории комсомола. М.: Молодая гвардия, 1926.

В.С. Зобнин

Взгляды А.С. Ященко на конфедеративное устройство

Российский теоретик права Александр Семенович Ященко родился в 1877 г. в Ставрополе. С 1911 г. – приват-доцент, а с 1913 г. – экстраординарный профессор кафедры энциклопедии и истории философии права юридического факультета Петербургского университета. В 1913 году в Московском университете защитил докторскую диссертацию «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства». В 1917-1918 гг. становится ординарным профессором Пермского университета. В 1919 г. в составе советской делегации отправляется в Берлин, откуда не возвращается. В 1924 г. становится профессором юридического факультета Литовского университета в Каунасе, где заведовал кафедрой международного права. Главным результатом научной деятельности А.С. Ященко можно считать разработку теории и истории федерализма[1].

[1] Русская философия: энциклопедия / 2-е изд., под ред. М.А. Маслина, сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М., 2014. С. 820–821; Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). Электронная версия с сайта «Биографика»: https://bioslovhist.spbu.ru/person/478-yashchenko-aleksandr-semenovich-2.html.

Труды А.С. Ященко оказали значительное влияние на отечественную правовую мысль. Его «роль <…> в становлении и развитии теории федерализма трудно переоценить». Поэтому и сегодня «многие его идеи через несколько десятков лет <…> востребованы на родине» и «ни одно исследование проблем федерализма не обходится без обращения к его наследию»[1]. Аналогичное можно сказать и в отношении исследования проблем конфедерализма: многие идеи, выдвинутые А.С. Ященко, до сих пор задают вектор рассуждениям о конфедеративном устройстве.

Современная правовая наука в области исследования конфедерализма сталкивается с существенными затруднениями. Лучше всего положение дел описывает приводимое С. Сун высказывание Ф. Листера: «хотя этот термин <...> широко используется <...> в общем смысле, как если бы он был слишком хорошо известен, чтобы нуждаться в определении или дальнейшем изучении, дело обстоит как раз наоборот»[2]. Кризис отечественной правовой мысли отчетливо проявляется в том, что, как верно отмечает В.Б. Лилияк, «традиционно выделяемые» признаки «опровергаются объективной международно-правовой реальностью»[3]. В связи с этим обращение к работам А.С. Ященко кажется нам крайне актуальным. Изучение его наследия позволит установить корни правовой отечественной мысли в теории конфедерализма и позволит преодолеть отмечаемый в литературе кризис изучения феномена конфедерации.

---

[1] *Калина В.Ф.* А.С. Ященко как первый российский теоретик федерализма // Вестник РГГУ. Серия: Экономика, управление, право. 2011. № 8 (70). С. 225, 227, 231; *Саликов М.С.* Проблемы теории российского федерализма: обзор философских и политико-правовых концепций // Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития: сборник научных статей. Екатеринбург, 2001. С. 27–39.

[2] *Сун С.* Конфедерализм: Обзор новейшей литературы // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии / Под ред. Б. Копитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба. М., 1999. С. 284.

[3] *Лилияк В.Б.* Институт конфедерации как форма государственного союза // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 29.

Можно с уверенностью сказать, что в основе современных отечественных исследований в области конфедерализма лежит перспектива, очерченная А.С. Ященко. В научной литературе все также господствует убеждение в слабости или неустойчивости конфедеративных образований и в их переходном характере. В большинстве работ в той или иной степени выражена точка зрения, что конфедерации со временем либо претерпевают определенную централизацию, либо обречены на распад[1]. Данная точка зрения была весьма развернуто обоснована еще А.С. Ященко и отечественная правовая мысль не смогла добавить здесь ничего принципиально нового.

С точки зрения А.С. Ященко, конфедерация представляет собой инструмент преодоления «политической аморфии» в международных отношениях посредством «объединения дотоле совершенно разъединенных частей». Постепенно происходит рост числа и юридическое обрамление межгосударственных контактов, что «выражается в росте международного конфедерализма». За счет конфедеративных образований происходит «переход от беспорядочных межгосударственных отношений к юридической упорядоченности». Таким образом, конфедерализм по мере своего усиления «вносит некоторый приблизительный порядок в политический хаос»[2].

Вместе с тем, будучи только «первой стадией по пути политической организации», конфедерация не обладает «единой суверенной властью». А.С. Ященко прямо поддерживает тезис федералистов, что власть союза, основанная на добровольном и свободном подчинении, «осуждена на полное

---

[1] *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть: Учебник / 3-е изд. М., 2005. С. 340; *Азаров С.О.* Проблемы становления международно-правового статуса конфедеративного государства // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 13; *Бибило В.Н.* Теория государства и права. Минск, 2015. С. 63; *Лилияк В.Б.* Институт конфедерации... С. 29; *Юрасова А.В.* Конфедерация: исторический опыт и современность // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. Режим доступа: https://doi.org/10.24158/pep.2017.5.24.

[2] *Ященко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 359–360.

бессилие». В связи с этим политическое развитие в рамках конфедеративного образования «сопровождается постоянными конфликтами», и потому конфедерация не может считаться устойчивым политическим соединением. В результате происходящей политической борьбы конфедеративные образования «должны или вновь вернуться в прежнее аморфное состояние или перейти в следующую политическую стадию»: «федеральное государство» или «децентрализованное унитарное государство»[1].

Примечательно, что А.С. Ященко понимает конфедерализм крайне широко. Как отмечает автор, «государства не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном юридическом общении, регулируемом нормами международного права». Так, состояние политического хаоса в межгосударственных отношениях удается преодолеть за счет становления «общего юридического оборота». В результате «связанные отношениями международно-правового характера государства в своей совокупности составляют политическое соединение» конфедеративное по своей природе[2].

Подобные политические соединения А.С. Ященко делил на неорганизованные и организованные, что соответствует уровню их упорядоченности. В организованных конфедеративных соединениях, представляющих собой «самостоятельное и суверенное юридическое целое», существует «постоянная организация», т.е. органы, конституирующие и выражающие самостоятельную политическую волю. В отличии от организованной конфедерации власть в неорганизованном соединении «получается лишь от коллективного согласованного акта всех соучастников»[3]. При этом само по себе существование органа еще не означает переход к иному типу конфедеративного объединения: взаимодействия в рамках органа могут быть лишь более сложной формой коллективного межгосударственного согласования отдельных суверенных воль.

---

[1] Там же. С. 361–362.

[2] Там же. С. 301, 794.

[3] Там же. С. 305.

Речь в данном случае идет о международно-правовых договорах или альянсах, которые А.С. Ященко именовал «международно-правовым общением». По мнению исследователя, в таких неорганизованных конфедерациях «наряду с властью отдельных государств <…> существует <…> общая <…> власть альянса», которая не зависит «от власти каждого из входивших в него государств»[1]. А.С. Ященко отмечает, что «при разрешении всякого правового вопроса государственной власти приходится юридически считаться не только с равной ей властью других государств, но и с равной ей властью всего международно-правового общения». Так, государство в рамках международных отношений связано обязательными для него нормами, установленными договорным путем или признанными в качестве основополагающих принципов международного права[2].

С высказанной позицией едва ли можно согласиться. По признанию самого А.С. Ященко, государства обладают международно-правовым верховенством, выражающимся в «трех основных конфедеративных правах»: в праве аннулирования, в праве сецессии и в праве войны, – позволяющих им не подчиниться «обязательным» правовым нормам [3]. Международное общение не является юридической личностью и представляет собой совокупность правоотношений. Оно не обладает какой-либо волей и, следовательно, не может быть рассмотрено в качестве самостоятельного субъекта и тем более властного в рамках международных отношений. Так, властные акты неорганизованных конфедеративных соединений принимаются и проводятся в жизнь не абстрактным международно-правовым общением, а являются продуктом коллективного согласования государств, которые осуществляют их реализацию. В связи с этим нельзя согласиться с постулируемым властным характером международно-правового общения. По нашему мнению, идея неорганизованных конфедеративных соединений

[1] Там же. С. 305–306

[2] Там же. С. 797–798.

[3] Там же. С. 796.

безосновательно расширяет содержание понятия «конфедерация».

То, что нами типично понимается как конфедерация, обозначается А.С. Ященко в качестве организованного типа конфедеративного соединения. В подобных объединениях «союзная власть закрепляется в особых постоянных органах и получает самостоятельное существование». Конфедерация не исчерпывается категорией правоотношений. Наличие постоянной организации обуславливает возникновении у конфедерации собственной юридической личности, существующей наряду с международными правоотношениями между субъектами конфедерации. К организованным конфедерациям исследователь относит конфедерации государств, такие как Швейцарская конфедерация, Республика соединенных провинций, Германский союз и Североамериканскую конфедерацию, и личные унии[1].

Как и неорганизованные, организованные конфедерации образуются на основании договоров. В отличии от государств в основании конфедерации лежит не конституция, обязательная для всего союза и для каждого его члена, неотменимая отдельными членами, а свободное соглашение, договор отдельных политических общин. Договор понимается не только как основа возникновения союза, что характерно для авторитарных организаций. Стороны не теряют право во всякий момент по своему усмотрению разорвать заключенный договор и выйти из союза[2].

Для А.С. Ященко конфедерация представляет собой соединение политических обществ, сохранивших свой суверенитет. Суверенность конфедерирующихся государств проявляется в том, что «их подчинение союзу исключительно добровольное». Субъекты конфедерации сохраняют «независимость своей власти и право в случае юридических споров с другими обществами самостоятельно разрешать эти споры». При переходе к организованной конфедерации государства не утрачивают указанные

[1] Там же. С. 308–311.

[2] Там же. С. 302–303.

«основные конфедеративные права». Суверенитет субъектов конфедерации обеспечивается в рамках организованной конфедерации особым правом нуллификации и сецессии, а также правом на вооруженное сопротивление в качестве реализации формы международно-правового судебного процесса[1].

В связи с этим весьма характерно, что при рассмотрении Статей конфедерации 1781 г. А.С. Ященко характеризует положение о вечном характере североамериканского союза как противоречащее истинному типу конфедерации, поскольку каждое государство как бы договорно отказывалось от права сецессии[2]. Следует отметить, что при этом исследователь не дает оценки тому, что во всех вышеуказанных конфедерациях право сецессии также исключалось. Указание на «вечный» характер союза фиксируется в договорах Швейцарской конфедерации[3]. Выход из союза был прямо запрещен в ст. I Утрехтской унии[4]. Германский союз провозглашался «постоянным» в статье 1 Союзного акта от 1815 года, что получило развитие в Заключительном акте Венского совещания министров от 1820 года: союз признавался «нерасторжимым», и «потому никакой из его членов не мог покинуть объединение» (статья 5)[5].

Поскольку субъекты конфедерации обладают суверенитетом,

---

[1] Там же. С. 301, 312–314.

[2] Там же. С. 551.

[3] Der ewige Bund der Waldstätte vom August 1291 // Quellenbuch zur Schweizergeschichte. Kleine Ausgabe / Bearb. W. Oechsli. Zürich, 1918. S. 49; Der Dreiländerbund. Brunnen, 9 Dezember 1315. S. 65; Der Luzerner Bund. Luzern, 7. Nov. 1332. S. 81; Der Züricher Bund. Zürich, 1. Mai 1351. S. 97; Aus dem Glarner Bund. 4. Juni 1352. S. 104; Die Stanser Verkommnis. 22. Dezember 1481. S. 202.

[4] The Low Countries in Early Modern Times / Ed. by H.H. Rowen. London, 1972. P. 70.

[5] Deutsche Bundes-Akte vom 8. Juni 1815 // Электронная версия с сайта «Verfassungen der Welt»: http://www.verfassungen.de/de06-66/bundesakte15.htm; Wiener Schlußakte vom 15. Mai 1820 (Schluß-Acte der über Ausbildung und Befestigung des deutschen Bundes zu Wien gehaltenen Ministerial-Conferenzen) // Ibid: http://www.verfassungen.de/de06-66/schlussakte20.htm.

справедливым представляется вывод А.С. Ященко о том, что «конфедерация <…> действует обычно лишь на составляющие ее политические коллективности и вступает в непосредственные юридические отношения только с ними, а не с составляющими их индивидами»[1]. Иное означало бы к наличие властных полномочий союза на территории, подвластной суверенному субъекту. В данном случае власть субъекта над своей территорией едва ли можно было бы признать суверенной.

В то же время А.С. Ященко утверждает, что власть союза также является суверенной. По его мнению, конфедеративный союз представляет собой «особый субъект права, наделенный собственной властью и принимающий самостоятельные решения». Суверенитет союза «сосуществует рядом» с суверенитетом субъектов конфедерации. В своих действиях «конфедеративный союз <…> самостоятелен <…> и независим по отношению к каждому из своих членов», а потому может «принимать те решения, какие ему заблагорассудится» и «разрешать возникшие споры о праве», а также «понудить <…> [субъекты конфедерации] вооруженной силой к выполнению обязательств». Возникшую структуру автор характеризует как полиархическое политическое соединение, поскольку она «допускает сосуществование ряда независимых властей»[2].

В результате такой конструкции конфедерация приобретает вид нежизнеспособного «политического чудовища imperium in imperio», каким его описали авторы Федералиста[3]. Приведенная точка зрения содержит внутреннее противоречие, отраженное в самой работе А.С. Ященко. Суверенность власти проявляется, по его мнению, в том, что «высшая верховная власть <…> никакой другой над собой не имеет»[4]. Однако

---

[1] *Ященко А.С.* Теория федерализма. С. 311.

[2] Там же. С. 305.

[3] Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 112.

[4] *Ященко А.С.* Теория федерализма. С. 290.

признание за обеими властями суверенного характера порождает ситуацию их конкуренции и постоянной борьбы за главенствующее положение. При этом автор заявляет о праве союза понуждать военной силой субъекты конфедерации к выполнению обязательств. В то же время «обязательные» решения фактически не имеют обязательного характера, поскольку могут быть отменены субъектами конфедерации в силу наличия у них «основных конфедеративных прав»[1]. В связи с этим главенствующее положение все же следует признать за властью государств, состоящих в конфедерации.

Также нельзя согласиться и с утверждением А.С. Ященко о независимости и самостоятельности конфедеративной власти. Примечательно, что сам автор характеризует «волю союза» в качестве «выражения общей воли его членов». При этом в качестве одного из отличий федерации от конфедеративного союза исследователь указывает, что «воля государства отличается от воли его членов»[2]. Таким образом, воля конфедеративного союза не может быть охарактеризована как независимая от воли его субъектов.

Как отмечает А.С. Ященко, государства конфедерации принимают «значительное <…> участие в образовании конфедерального верховного органа». Делегаты от субъектов конфедерации «назначались обыкновенно каждым <…> государством и снабжались обязательными инструкциями». В результате воля союза представляла собой лишь проявление воли субъектов и их суверенитета. Поэтому «в Соединенных Провинциях не было суверенитета, находящегося где-нибудь вне самих провинций»[3]. Воля генеральных штатов была лишь квинтэссенцией воли отдельных провинций, которая транслировалась направленными для участия в генеральных штатах делегатами. Примечательно, что в том же ключе о Генеральных штатах

[1] Там же. С. 312–314.

[2] Там же. С. 289.

[3] Там же. С. 312–313, 644.

рассуждает Г.А. Шатохина-Мордвинцева[1].

Субъекты конфедерации, будучи суверенными государствами, равны в своем статусе и потому принимают одинаковое участие. Как правило, это проявляется в равном числе делегатов (их голосов) на общем собрании, на котором вырабатывается единая воля[2]. В связи с этим, по нашему мнению, нельзя согласиться с А.С. Ященко и в признании унии[3] в качестве особой формы конфедеративного государственного соединения. В монархических униях у соединившихся государств отсутствует возможность выразить обособленную волю в рамках конфедеративного собрания и реализовать право вето при голосовании.

Таким образом, работы А.С. Ященко являются огромным вкладом в отечественную правовую науку и оказали на нее значительное влияние. Вместе с тем, теоретическая модель конфедерализма, предложенная А.С. Ященко, не лишена внутренних противоречий. В частности, сомнения вызывает идея сосуществования в рамках одной политической плоскости двух суверенитетов. Нельзя согласиться также с наделением властью категории международного общения.

Крайне важным в исследовании конфедерализма представляется обращение к историческому опыту ранее существовавших конфедеративных образований. Вынуждены отметить, что в работе А.С. Ященко исторический опыт учтен в недостаточной мере. В настоящее время при проведении исследований в этой сфере необходимо его критическое переосмысление. В частности, обращение к конфедеративным соглашениям позволяет опровергнуть наличие трех основных так называемых конфедеративных прав. Исторические примеры показывают, что для конфедеративных образований характерны обязательность союзных постановлений и запрет

---

[1] *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* История Нидерландов: Учеб. пособие. М., 2007. С. 166–167.

[2] *Ященко А.С.* Теория федерализма. С. 311–312.

[3] Там же. С. 315-317.

выхода из союза. С учетом этого вооружённое неподчинение союзной власти следует рассматривать в качестве мятежа, а не правомерного способа защиты своего суверенитета.

Список литературы

Азаров С.О. Проблемы становления международно-правового статуса конфедеративного государства // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 12–15.

Бибило В.Н. Теория государства и права. Минск, 2015.

Калина В.Ф. А.С. Ященко как первый российский теоретик федерализма // Вестник РГГУ. Серия: Экономика, управление, право. 2011. № 8 (70). С. 225-231.

Лилияк В.Б. Институт конфедерации как форма государственного союза // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 28–30.

Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник / 3-е изд. М., 2005.

Русская философия: энциклопедия / 2-е изд., под ред. М.А. Маслина, сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М., 2014.

Саликов М.С. Проблемы теории российского федерализма: обзор философских и политико-правовых концепций // Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития: сборник научных статей. Екатеринбург, 2001. С. 27–39.

Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). Электронная версия с сайта «Биографика»: https://bioslovhist.spbu.ru/person.

Сун С. Конфедерализм: Обзор новейшей литературы // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии / Под ред. Б. Копитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба. М., 1999. С. 284–299.

Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994.

Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов: Учеб. пособие. М., 2007.

Юрасова А.В. Конфедерация: исторический опыт и современность // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. Режим доступа: https://doi.org/10.24158/pep.2017.5.24.

Ященко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912.

Aus dem Glarner Bund. 4. Juni 1352.

Der Dreiländerbund. Brunnen, 9 Dezember 1315.

Der ewige Bund der Waldstätte vom August 1291 // Quellenbuch zur Schweizergeschichte.

Kleine Ausgabe / Bearb. W. Oechsli. Zürich, 1918.

Der Luzerner Bund. Luzern, 7. Nov. 1332.

Der Züricher Bund. Zürich, 1. Mai 1351.

Deutsche Bundes-Akte vom 8. Juni 1815 // Электронная версия с сайта «Verfassungen der Welt»: http://www.verfassungen.de/de06-66/bundesakte15.htm.

Die Stanser Verkommnis. 22. Dezember 1481.

The Low Countries in Early Modern Times / Ed. by H.H. Rowen. London, 1972.

Wiener Schlußakte vom 15. Mai 1820 (Schluß-Acte der über Ausbildung und Befestigung des deutschen Bundes zu Wien gehaltenen Ministerial-Conferenzen) // Электронная версия с сайта «Verfassungen der Welt»: http://www.verfassungen.de/de06-66/schlussakte20.htm.

А.В. Козлова

Решение «женского вопроса» в большевистском законодательстве в первые годы после Октябрьской революции

Представители марксистско-ленинской теории были уверены, что причиной возникновения «женского вопроса», а именно дискриминации женщин, особенно в трудовой сфере, стал капитализм. Так, Ф. Энгельс в своё время писал: «В результате всех усовершенствований машин <…> работа всё более и более переносится на машину, и работа взрослых мужчин сводится таким образом к простому наблюдению, которое вполне могут осуществлять и слабосильная женщина, и ребёнок, получающие за это в два или даже три раза меньшую плату»[1].

Такая же ситуация наблюдалась и в Российской империи. Решение «женского вопроса» с точки зрения социализма в России было заимствовано из трудов немецких философов К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля и К. Цеткин. Некоторые идеи были подчерпнуты у социалистов-утопистов, среди которых наиболее значимым является Ш. Фурье, который в своих работах

[1] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса // О женском вопросе / Под ред. В.Л. Бильшай. М., 1971. С. 10.

утверждал, что «расширение прав женщин есть главный принцип социального прогресса»[1].

Одной из ярких представительниц социал-демократической партии Германии была К. Цеткин, которая проводила активную и успешную политику в вопросе «привлечения европейских женщин к революционному движению». Из всех перечисленных представителей К. Цеткин успешно осуществила на практике политические мероприятия в «женском вопросе». На первое место она ставила решение равенства в трудовом вопросе.

В России социал-демократы также видели необходимость решения проблем женщин, начиная с политических прав и заканчивая семейным вопросом. Стоит отметить, что вопрос политических прав не стоял на первом месте у большевиков, однако подразумевался ещё в партийной программе 1903 г. Тем не менее, дарование гражданства и равенство в избирательном праве соответствовало идеям социалистической теории: если все граждане равны, то они должны быть равны во всех общественных сферах, не исключая политическую. Кроме того, накануне октября 1917 г. между партиями началась борьба за электорат. Большевики вели пропаганду в среде рабочих и работниц, так как понимали, что женщины-работницы представляли собой весомую электоральную силу.

Из-за изменившихся устройства общества и экономической системы женщины оказались вытесненными на рынок труда, где им не могли обеспечить рабочие места или же достойные условия. В связи с этим женщины оказались вынуждены терпеть нечеловеческие условия труда. Из-за того, что трудовой вопрос в отношении женщин почти не регулировался государством, они находились в угнетенном положении, так как женская работа оценивалась в несколько раз меньше. Также с проблемами в трудовом вопросе большевики связывают проблему проституции. Так как женщины, не имея возможности устроиться на оплачиваемую работу, были вынуждены торговать своим телом, чтобы прокормить семью. Так, А.М. Коллонтай

[1] *Fourier Ch.* Theorie des quatres mouvements. Paris, 1808. P. 18.

говорила о проституции следующее: «Миллионы женщин вынуждены существовать на заработок – достаточно высокий, чтобы не умереть с голоду, но слишком низкий, чтобы жить человеческой жизнью»[1].

Ещё одним важным вопросом в большевистском дискурсе становится семейный, а именно – равноправие супругов. Данная мера, действительно, стала новаторской в законодательстве не только для Советской республики, но и для мировой практики. Согласно социалистической теории, буржуазный брак подразумевает эксплуататорские отношения между мужем и женой, поэтому социалисты смело говорят об «Уничтожении семьи!»[2]. Данный вопрос вызвал много дискуссий. Но суть решения вопроса состоит в том, чтобы оба супруга имели равные права и обязанности по отношении к друг другу. Для того, чтобы данную идею осуществить, необходимо улучшить юридическое и реальное положение женщин: в законодательстве установить равенство лиц обоего пола, а также создать благоприятные условия для работницы, чтобы оптимизировать уход за домашним хозяйством для женщины.

Таким образом, цель данной работы – определить особенности правового статуса женщины в первые годы после Октябрьской революции, а также рассмотреть политику Советов в отношение гендерного равенства: что было в программе большевиков накануне революции; какие законодательные преобразования произошли в 1917–1930 гг.; с какой целью происходили данные преобразования.

1. Изменения в политической сфере

Основными вопросами в данном разделе являются проблемы гражданства женщин и их прав на политическую активность. Так как имперский законодательный корпус не стремился к разрешению проблемы

---

[1] *Коллонтай А.* Женщина-работница в современном обществе // Феминизм в общественной мысли и литературе / Под ред. Е. Трофимова. М., 2006. С. 330.

[2] *Маркс К.* Манифест коммунистической партии // О женском вопросе / Под ред. В.Л. Бильшай. М., 1971. С. 89.

политических, в рамках деятельности большевиков эти вопросы вышли на первый план, так как это являлось частью их идеологии. Как отмечал немецкий писатель и активист А. Бебель: «Женщина – такой же человек и гражданин, как и мужчина, а существующее до сих пор сосредоточение законодательной власти только в руках мужчин показывает, что те пользовались своей привилегией лишь в своих выгодах, опекая женщин во всех отношениях, и это необходимо прекратить»[1]. Говоря о деятельности большевиков в политической сфере, стоит отметить, что у них не было серьёзных прорывов и преобразований в данном вопросе. В своей первой программе от 1903 г.[2] в п. 2 они декларативно закрепили: «Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания». Данная норма подкреплялась и в п. 6, в котором говорилось об уничтожении любого вида дискриминации.

Впервые российские женщины получили избирательные права весной 1917 г., когда Временное правительство приняло постановление «О производстве выборов гласных и городских дум, об участковых городских управлениях»[3]. Большевики в этом вопросе не принимали активного участия. В одном из первых актов Советской власти – в п. 2 Положения «О выборах гласных Петроградской городской Думы» от 26 ноября 1917 г.[4] закреплялось, что «правом участия в выборах гласных пользуются все граждане Российской

---

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм // Феминизм в общественной мысли и литературе / Под ред. Е. Трофимова. М., 2006. С. 156.

[2] Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 418.

[3] Положение о выборах гласных Петроградской городской думы. 15 апреля 1917 г. URL: http://museumreforms.ru/node/13748.

[4] Положение о выборах гласных Петроградской городской Думы. 26 ноября 1917 г. URL: Uhttp://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-11-16.htm.

Республики обоего пола». Данная норма закрепляла всеобщее избирательное право, которое давало гарантию гражданам на активное политическое участие в жизни страны. Кроме того, данное положение устанавливало, что «в гласные и кандидаты могут быть избраны не только лица, пользующиеся правом участия в выборах, но и все прочие лица». Таким образом, за женщинами закреплялось право быть избранными в законодательные органы, а, следовательно, был решён вопрос о политических правах на муниципальном уровне.

Дальнейшее закрепление избирательного права на более высоком политико-правовом уровне наблюдается в Конституции 1918 г.[1] в ст. 64. Так, признавалось всеобщее избирательное право «независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

2. Изменения в трудовой сфере

В июне 1917 г. А.М. Коллонтай выступила с яркой речью «Женщина – работница в современном обществе» [2], в которой раскритиковала «буржуазный феминизм», а также обозначила основные аспекты для решения «женского вопроса». В трудовом законодательстве А.М. Коллонтай указала на проблемы длительности рабочего дня, отдыха, отмены ночного и сверхурочного труда, ограничение женского труда на некоторых вредных производствах, улучшение санитарно-гигиенических условий на производстве, расширение фабричной инспекции на все отрасли труда, назначение инспектрис-женщин, вместо мужчин.

Вопросу организации труда большевики уделили много внимания. Такая политика объясняется тем, что их партия защищала интересы пролетариата,

---

[1] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm.

[2] См.: *Коллонтай А.М.* Женщина работница в современном обществе. С. 326-335.

поэтому решение трудового вопроса было первостепенным. В начале XX в. условия труда на предприятиях не соответствовали норме. Поэтому было необходимо введение контроля за предприятиями. В программе РСДРП такими контролёрами назывались фабричные инспекторы. Так, в п. 10 партийной программы социал-демократы устанавливали необходимость «увеличения числа фабричных инспекторов», также уточнялся вопрос контроля женского труда: «Назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд» [1]. Как отмечает Ричард Стайтс, говоря об имперской политике в данном вопросе: «Инспектора-мужчины, хорошо знавшие проблему изнутри <…> считали, что огромная масса фабричных женщин могла бы доверить свои нужды только женщине»[2]. Таким образом, в своей программе большевики затрагивали актуальные проблемы, решение которых позволило бы создать более благоприятные условия для жизни работниц. Так, 17 мая 1918 г. вступил в силу Декрет «Об учреждении инспекции труда»[3], где в п. 1 устанавливалось, что «инспекция труда имеет целью охрану жизни, здоровья и труда всех лиц, занятых какою то ни было хозяйственною деятельностью». Данная мера позволила создать более комфортные условия для женщин на производстве, учитывая их потребности.

Одним из первых документов стал Декрет «О восьмичасовом рабочем дне» от 29 октября 1917 г.[4], в нём закреплялись основные положения о длительности рабочего дня, а также особенности организации рабочего процесса. Например, в п. 3 говорится о том, что «не более как через 6 часов от начала работ должен быть устанавливаем свободный перерыв в работе для

---

[1] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М., 2004. С. 115.

[2] Там же.

[3] Декрет «Об учреждении инспекции труда», 17 мая 1918 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-17.htm.

[4] Декрет Совета Народных Комиссаров «О восьмичасовом рабочем дне», 29.10.1917. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5306.

отдыха и для принятия пищи. Перерыв сей не должен быть короче 1 часа».

В преамбуле Кодекса законов о труде РСФСР от 1922 г. [1] устанавливалось: «В социалистическом государстве, где нет эксплуататоров и эксплуатируемых, осуществляется всеобщность труда для всех трудоспособных членов общества и всем гражданам обеспечивается возможность трудится». Таким образом, на примере данного документа можно наблюдать равенство в профессиональной сфере для лиц обоих полов. Данная декларативная часть нашла отражение в ст. 16 соответствующего закона: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых, или косвенных преимуществ при приёме на работу в зависимости от пола, расы, национальной принадлежности и отношения к религии не допускается». Кроме того, данным Кодексом в ст. 2 закрепляются следующие права:

- На гарантированную государством заработную плату соразмерно количеству и качеству затраченного труда
- Право на отдых в соответствии с законами об ограничении рабочего дня и рабочей недели и о ежегодного оплачиваемых отпусках
- Право на здоровые и безопасные условия труда,
- На бесплатную профессиональную подготовку и бесплатное повышение квалификации
- На объединение в профессиональные союзы
- На участие в управлении производством
- На материальное обеспечение за счёт средств государства в порядке государственного социального страхования в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. В Конституции также закреплены основные положения трудового вопроса.

[1] Кодекс законов о труде РСФСР, 10 декабря 1918 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093252&backlink=1&&nd=102010128.

Так, в ст. 3 Конституции 1918 г. закреплялось обязанность в виде «всеобщей трудовой повинности», которая подразумевала отсутствие различия по половому, расовому или религиозному принципу. Также труд признавался «обязанностью всех граждан» согласно ст. 18. Данная мера говорит о том, что все граждане были равны перед законом.

Таким образом, основываясь на рассмотренных документах, можно сделать вывод, что в трудовой сфере во многом большевикам удалось решить «женский вопрос», так как были разрушены стены патриархального устройства общества, в котором женщина не имела никакой возможности даже при сильном желании обеспечить себя работой. Тем не менее, не стоит считать, что в данном вопросе большевики руководствовались исключительно потребностями женщин. Это была часть их партийной программы, которая во многом помогла им одержать победу в борьбе за власть.

3. Политика большевиков в области семейного права

Теория «женского вопроса» широко обсуждалась социалистами с середины XIX в. Согласно работам основных теоретиков-социалистов, традиционная семья должна прекратить своё существование в её привычном виде в социалистическом государстве. Так, Карл Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» утверждал: «Буржуазная семья естественно отпадёт, а эксплуатация детей родителями исчезнет после замены домашнего воспитания общественным» [1]. В соответствие с марксистско-ленинской теорией, меняется привычное понятие семьи, исчезает потребность в семье как производственной единице. Главной задачей государства в социалистическом устройстве общества является обеспечение граждан всеми необходимыми учреждениями, способными облегчить их домашний быт, воспитание детей.

Как отмечала А. Коллонтай в труде «Семья и коммунистическое государство», в котором видная активистка-социалистка ломала

[1] *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии. С. 89.

существующие стереотипы в отношении семьи: «Жена, мать-работница из сил выбивается, чтобы сразу три дела сделать: выполнить работу свою на фабрике, на заводе, в типографии или канторе наравне с мужем, да поспеть ещё хозяйство справить, да о детях позаботиться»[1]. Однако разделение обязанностей в работе по дому между мужем и женой большевики не рассматривали, так как считали, что это навредит развитию личности обоих и, соответственно, не принесёт пользы государству.

Тем не менее, большевики, осознавая тяжесть, которая лежит на плечах женщины-работницы, внесли в партийную программу 1919 г. корректировки относительно создания специализированных учреждений, способных оптимизировать работу по дому: «Партия стремится освободить их [женщин] от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями»[2]. Именно поэтому в планах большевиков обозначена важная составляющая социалистического общества, способная облегчить жизнь работниц, избавив их от гнёта домашнего хозяйствования – общественные столовые, детские сады, прачечные и другие учреждения. Таким образом, подразумевалось, что этот способ снимет часть обязанностей с женщины, освободит время, позволив провести его с пользой для женщины.

В Семейном кодексе РСФСР[3] особое внимание уделялось защите материнства и детства. Так, в ст. 5 обозначается, что «защита интересов матери и ребёнка обеспечивается организацией широкой сети родильных домов, детских яслей и садов, школ-интернатов и других детских учреждений, предоставлением женщине отпуска по беременности и родам с сохранением содержания, установлением льгот, охрана труда на производстве, выплата государственных пособий одиноким и многодетным

---

[1] *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 371.

[2] Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959.

[3] Семейный кодекс РСФСР, 16 сентября 1918 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010194&backlink= 1&&nd=102010117.

матерям, а также иной государственной и общественной помощью семье». Таким образом, большевики законодательно закрепили различные меры поддержки молодым роженицам, тем самым обеспечив гарантии помощи со стороны государства, обозначив, что для государства институт материнства представляет особую важность.

Ещё одним важным аспектом в семейном вопросе стало полное равенство супругов. Наиболее ярко оно проявилось в праве на расторжении брака, инициатором которого мог стать один из супругов. Несмотря на то, что данное право существовало ещё с середины XIX в. в Имперской России, большевики Декретом от 16 декабря 1917 г. «О расторжении брака» [1] значительно упростил эту процедуру. Так, в п. 1 устанавливается, что «брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или, хотя бы, одного из них», при этом в п. 7 указывается, что брак может быть расторгнут даже несмотря на отсутствие соглашения у них по этому поводу. Данная мера содействовала расширению прав женщин, так как в условиях патриархальной семьи женщина была вынуждена оставаться под гнётом мужа.

Также сломить оковы патриархального строя в значительной степени большевики стремились, отменив юридическую силу церковного брака. Так как, согласно основам церковного брака, в таком браке существует непосредственное подчинение одного супруга другому, что было неприемлемо для социалистов, поэтому, как закреплялось в Декрете «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»[2] – примечании к п. 1: «церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся». То есть обручались по собственному желанию, однако без официальной регистрации в ЗАГСе такой брак не считался действительным.

---

[1] Декрет «О расторжении брака», 16 декабря 1917 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16.htm.

[2] Декрет «О гражданском браке, о детях, о ведении книг актов состояния», 18 декабря 1917 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm.

Заключение

В силу того, что «женский вопрос» в первой четверти XX в. становился всё более популярным и обсуждаемым, он способствовал его взаимовыгодному решению, поэтому, решая эту проблему, большевики смогли улучшить правое положение женщин, а также увеличить число сочувствующих и поддерживающих. Так, было официально оформлено избирательное право для всех граждан, в том числе и женщин. Кроме того, были восполнены некоторые пробелы, а где-то и полностью установлены новые нормы в трудовом праве. Уравнялось положение женщин и в области семейного права: нормами Семейного кодекса было закреплены равные для обоих супругов права на расторжение брака.

Следовательно, политика большевиков в отношении «женского вопроса» была эффективна и заложила основы для дальнейшего отстаивания женщинами своих прав не только на территории РСФСР, но и иных стран. Кроме того, коммунисты сделали большой вклад для становления современного видения положения женщины в странах западной правовой традиции.

Тем не менее, по мнению некоторых современных учёных, например, Р.Г. Петровой: «После 1917 г. В России был создан специфический тип патриархата, при котором основным механизмом дискриминации женщин являлись не мужчины, а государство в целом»[1]. Такое критичное отношение к политике большевиков в отношении «женского вопроса» во многом оправдывается их идеологическими целями.

Таким образом, в перспективе остается рассмотрение данного вопроса не только с правовой точки зрения, но и через призму социальных обстоятельств, способствующих сложившейся ситуации, то, как они повлияли на положение женщин. Действительно ли положение женщин было так хорошо, как это было закреплено на бумаге и агитационных плакатах.

---

[1] *Петрова Р.Г.* Гендерология и феминология. М., 2021. С. 165.

Список литературы

Бебель А. Женщина и социализм // Феминизм в общественной мысли и литературе / Под ред. Е. Трофимова. М., 2006.

Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.

Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959.

Декрет «О гражданском браке, о детях, о ведении книг актов состояния», 18 декабря 1917 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm.

Декрет «О расторжении брака», 16 декабря 1917 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16.htm.

Декрет «Об учреждении инспекции труда», 17 мая 1918 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-17.htm.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О восьмичасовом рабочем дне», 29.10.1917. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5306.

Кодекс законов о труде РСФСР, 10 декабря 1918 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093252&backlink=1&&nd=102010128.

Коллонтай А. Женщина-работница в современном обществе // Феминизм в общественной мысли и литературе / Под ред. Е. Трофимова. М., 2006.

Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 371.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm.

Маркс К. Манифест коммунистической партии // О женском вопросе / Под ред. В.Л. Бильшай. М., 1971.

Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. М., 2021.

Положение о выборах гласных Петроградской городской думы. 15 апреля 1917 г. URL: http://museumreforms.ru/node/13748.

Положение о выборах гласных Петроградской городской Думы. 26 ноября 1917 г. URL: Uhttp://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-11-16.htm.

Семейный кодекс РСФСР, 16 сентября 1918 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010194&backlink= 1&&nd=102010117.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М., 2004.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса // О женском вопросе / Под ред. В.Л. Бильшай. М., 1971.

Fourier Ch. Theorie des quatres mouvements. Paris, 1808.

Е. Сковинская

Политико-правовые аспекты государственного регулирования национального процесса в рамках политики коренизации: феномен украинизации и казахизации.

Наблюдаемые сегодня практически во всех бывших республиках СССР, а ныне суверенных государствах, национальные проблемы, уходят своими истоками в 1920–1930-е гг. При установлении советской власти в национальных окраинах вожди были готовы предоставить им статус независимых государств, потому как Советский Союз лишь формально являлся содружеством равноправных республик, но фактически был сверхцентрализованным государством[1]. Это делало возможным радикальное решение национального вопроса, ведь каждое советское государство подчинялось единому центру по партийной линии.

Большевики взяли на себя реализацию коммунистической утопии, поэтому национальная политика оставалась на втором плане. Титульными этносами были объявлены те, что являлись большинством. Так появилась их иерархия, определяемая административно-территориальным делением. Титульной нацией в предложенной иерархии оказались русские, а нации второго порядка образовали союзные республики, третьего порядка – автономные республики, четвертого и пятого – национальные округа и районы[2].

Концепт требовал проведения кампании коренизации - укоренение советской власти на границах национального административно-территориального деления. В настоящей работе рассматривается

[1] *Кульчицкий С.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 6.

[2] Там же. С. 9

государственное регулирование национального процесса в рамках политики коренизации в союзных республиках: украинизация и казахизация.

На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. И.В. Сталиным была оглашена формула коренизации: «…необходимо, чтобы Советская власть была понятна для инонационального крестьянства, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, права, обычаи, быт нерусских национальностей» [1]. Понятие «инонациональность» [2] возникло при уравнивании в паспортных правах разных слоев населения Указом от 5 октября 1906 г. о введении одинаковых для всех «паспортных книжек»[3]. До революции понятие «национальность» определялось двояким образом:

- как гражданство (подданство);
- как принадлежность к тому или иному народу[4].

В 1918 г. были отменены всякие указания вероисповедания в документах, удостоверяющих личность [5], поэтому реализация советского проекта «национальность» осложнилась. Ведь большая часть населения не имела четкого представления о своей национальной принадлежности, потому как в СССР не существовало устойчивого перечня национальностей[6]. Однако

---

[1] *Сталин И.* Сочинения. Т.5. М., 1947. С. 240–241.

[2] Принято считать, что данное понятие является термином НКВД (Народный комиссариат внутренних дел СССР), в которое входят поляки, немцы, греки и другие народы, имеющие национальное государство за пределами Советского Союза.

[3] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 214–219.

[4] Автора интересует интерпретация национальности через принадлежность к тому или иному народу.

[5] Декрет СНК РСФСР 23 янв. 1918 г. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1918 г. М., 1919. №18. Ст. 263.

[6] *Байбурин А. К.* Советские практики определения национальности в 1920–1920-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 22.

введение «пятой графы» советских анкет положило начало для государственной фиксации национальной принадлежности, а также являлось третьим компонентом принципа политизации этничности [1]. Политика коренизации в каждой республике проводилась с учетом конкретно-исторической обстановки данного региона.

Опытным полигоном в формировании национальной политики советской власти была Украина. Однако репрессивные действия против украинской титульной нации центральная власть маскировала подчеркнутой украинофилией [2]. Политическая и культурная кампании заключались в проведении просветительской работы, которая происходила под жестким партийно-идеологическим контролем.

Эта политика получила название «украинизация» [3]. Украинизация представляет собой метод национального строительства и является важнейшей составляющей этнонациональной политики большевиков. В политике украинизации выделяется три ключевых этапа со своими особенностями и отличительными чертами.

О первом этапе можно говорить, начиная с середины 1923 г. и заканчивая концом 1925 г. Советская политика заключалась в создании украинских национальных школ и обеспечении условий для их нормального функционирования. Соответственно, проводилась партийно-просветительская работа беспартийного учительства: «…над переводом школ на украинский язык производятся опыты…»[4]. Еще одной целью советской

---

[1] Принцип политизации этничности заключался во введении концепта титульной нации, проведении политики коренизации, а также государственной фиксации национальной принадлежности в советских паспортах.

[2] *Кульчицкий С.* Статус титульных наций…. С. 8.

[3] *Дроздов К.С.* Политика Украинизации в РСФСР в 1922–1932 гг. и развитие национального создания украинцев в России // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 88.

[4] ГА РФ. Ф.А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–7.

украинизации в данный период было укрепление статуса национальных меньшинств и привлечение их к коммунистическому строительству.

Второй этап приходится на период с конца 1925 г. и длился до окончания 1929 г. Если в первом случае главной целью стало изменение в образовательной деятельности украинских национальных окраин, то на втором этапе возникла необходимость украинизировать партийно-советский аппарат, правоохранительные и судебные органы. Основной целью данного этапа можно назвать перевод делопроизводства на украинский язык. Кроме того, были созданы условия для административно-территориального выделения украинских национальных сельсоветов, волостей и районов на территории РСФСР.

Заключительный третий этап украинизации происходил в период с 1930 по декабрь 1932 г., который включал в себя несколько глобальных, на наш взгляд, целей. Во-первых, в ходе активно развернувшейся культурной революции осуществить всеобщее начальное обучение и ликвидацию неграмотности среди украинского национального меньшинства на украинском языке. Во-вторых, завершить перевод всей общественно-политической, хозяйственной и культурно-просветительной работы в национальных районах с русского на украинский язык.

Политика украинизации кадров значительно увеличила миграцию украинских националистов-эмигрантов для расширения коммунистической партии. Это стало следствием политической стратегии Сталина и украинских национал-коммунистов, которые противопоставляли себя зарубежной пропаганде. Руководством большевиков предпринималось большое количество интеграционных усилий. Это происходило путем влияния центральной власти в УССР на обновление партийного аппарата и ведение кампании против националистических элементов. Данная корректировка украинизации получила названин «деукраинизации». Период деукранизации начался с конца 1932 г.

Автор данной работы считает, что не только Украина является примером

в проведении политики коренизации, потому как, например, взаимоотношения народностей, населяющих Казахстан «…настолько своеобразны и запутаны, что национальный вопрос играет здесь одну из первенствующих политических ролей»[1]. В Казахстане характерной чертой политики коренизации оказалось то, что она совпала с проведением переселенческой политики, которую советская власть осуществляла в период с 1917 по 1941 годы. Целью проведения политики «казахизации» являлось следующее: «…помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им:

- развить и укрепить у себя государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов;
- развить и укрепить у себя действующие на национальном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения»[2].

В казахстанской истории коренизации также можно выделить три этапа. Вопрос периодизации рассмотрен в работах А. П. Кучкина, Н.К. Кийкбаева, А.Ф. Абояна[3], а также в работе Л.Н. Беленчука[4]. Последний исследователь отличается тем, что он выделяет трёхступенчатый этап, выделяя вопросы культурного строительства, в ходе которого воспитывались кадры для коренизации.

---

[1] *Донич А.Н.* Народонаселение Казахстана. Кзыл-Орда, 1928. С. 15–25.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов., Т .2. М., 1983. С. 529.

[3] *Кучкин А.П.* Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М., 1951. С. 123; *Кийкбаев Н.* Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1968. С. 238; *Абоян А.Ф.* Деятельность КАЙКК-РКИ Казахстана в области партийного строительства и советизация государственного аппарата в 1926–1933 гг. Алма-Ата, 1966. С. 67.

[4] *Беленчук Л.Н.* Поиск путей национально-культурного строительства в СССР в 20-30-е гг. // Национальные отношения и национальные процессы в СССР: вопросы истории. Сборник научных трудов. М., 1990. С. 84–104.

В работах А. П. Кучкина Н. К. Кийкбаева А.Ф. Абояна[1], проведение политики коренизации или как ее иначе называют «казахизации», по мнению авторов, началось в 1923 г. Именно тогда главным аспектом партийного аппарата стало достижение определенного процента казахских работников в различных управленческих структурах. Если первый этап проводился методом процентной нормы, то второй – методом функциональной коренизации. Использование данного метода началось в 1927 г., когда началась замена русских работников некоторых должностей казахскими в управленческом аппарате. Последний этап проведения «казахизации» завершается в 1936 году, когда осуществление работ по обеспечению всех звеньев государственного и управленческого аппарата национальными кадрами заканчивается.

Однако, мы полагаем, что первый этап следует выделять с 1920 г., когда была образована казахская автономия в составе РСФСР. Именно с этого момента начали осуществляться первые мероприятия по коренизации[2]. На основе этого подхода предлагается выделить такие периоды:

1. осмысление основных стратегических направлений этой работы с 1920 по 1923 годы;
2. поиск конкретных путей и методов национально-культурного строительства с 1923 по 1928 гг.;
3. укрепление централистских подходов и курс на унификацию национальных культур с конца 1928 по 1936 гг.[3].

Кроме того, новшеством и важнейшей задачей при проведении политики

---

[1] *Кучкин А.П.* Советизация казахского аула. С. 23–150; *Кийкбаев Н.* Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. С. 100–240; *Абоян А.Ф.* Деятельность КАЙКК-РКИ Казахстана в области партийного строительства и советизация государственного аппарата в 1926–1933 гг. С. 50–97.

[2] В частности, перевод делопроизводства на казахский язык, создание первых курсов по подготовке кадров и др.

[3] *Беленчук Л.Н.* Поиск путей… С. 84–104.

не только «казахизации», но и коренизации средниазиатских республик, стало привлечение к государственной и общественной работе женщин коренных национальностей центральноазиатских государств.

Проведение данной политики в Казахстане от того и не является основным примером, как «украинизация», что с середины 1930-х гг. в национальной политике партии стали проявляться централизаторские тенденции. Они в какой-то мере способствовали сворачиванию мероприятий по коренизации для всех среднеазиатских республик. Данный «поворот» в национальной политике обернулся массовыми репрессиями против носителей «местного национализма», в ходе которого была уничтожена значительная часть национальной интеллигенции, рабочего класса, воспитанных в годы осуществления коренизации.

Кремль всячески старался подчеркнуть общесоюзный, социалистический характер культуры национальных республик для укрепления системы власти и создания идентификации населения как советских граждан – это должно было способствовать консолидации общества.

Результатом политики «украинизации» является различие целей центрального аппарата и сторонников украинского движения. Отличительными особенностями являются для первых – социальные преобразования, а для вторых – создание национальной государственности. Тем не менее, и советская власть, и украинские националисты имели общую цель, которая включала: поддержку украинской культуры, внедрение языка в научную и официально-деловую сферы. Кроме того, возлагалась опора на украинцев в кадровой политике и официальное закрепление за нацией определенной территории – определение государственных границ Украины. По мнению автора, Украина все же является основным примером в формировании национальной политики единого центра, потому что население и без всяких организационных связей осознавало себя единой нацией. В то время как другие титульные нации удовлетворялись принципом:

«учиться и разговаривать на родном языке».

Результатом политики «казахизации» являеся серьезная ошибка и просчет в работе партийных комитетов, которые своевременно не отреагировали на рост националистических проявлений. В дальнейшем это приведет к политическим репрессиям и специальному постановлению, которое в народе будет названо – постановление «о казахском национализме». По нашему мнению, проведение политики коренизации в Казахстане было ошибочным, потому как среди пятнадцати советских республик, считался одним из самых многонациональных.

Таким образом, кадровая политика использовалась для увеличения числа сторонников линии Сталина, а национальное строительство привело к созданию социалистических наций. Однако созданные привилегированные условия, описанные в данной статье, необходимо назвать «позитивной дискриминацией», которая позднее приведет к борьбе с «буржуазным национализмом».

Список литературы

Абоян А.Ф. Деятельность КАЙКК-РКИ Казахстана в области партийного строительства и советизация государственного аппарата в 1926–1933 гг. Алма-Ата, 1966.

Байбурин А. К. Советские практики определения национальности в 1920–1920-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 458–467.

Беленчук Л.Н. Поиск путей национально-культурного строительства в СССР в 20-30-е гг. // Национальные отношения и национальные процессы в СССР: вопросы истории. Сборник научных трудов. М., 1990. С. 84–104.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-296. Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомата Просвещения (1918–1934).

ГАРФ. Ф. 9401. «Особые папки» Секретариата НКВД / МВД СССР

Декрет СНК РСФСР 23 янв. 1918 г. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1918 г. М., 1919. №18. Ст. 263.

Донич А.Н. Народонаселение Казахстана. Кзыл-Орда, 1928.

Дроздов К.С. Политика Украинизации в РСФСР в 1922–1932 гг. и развитие

национального создания украинцев в России // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 86–95.

Кийкбаев Н. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1968.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов., Т .2. М., 1983.

Кульчицкий С. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 6–16.

Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М., 1951.

Сталин И. Сочинения. Т. 5. М., 1947.

ЧАСТЬ III
ИССЛЕДОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

А.В. Закревский

К вопросу о выделении форм территориального устройства государства

Территориально-организационный аспект государственного бытия находит в теоретическом осмыслении свое непосредственное отражение в таком концепте, как концепт «форма/формы территориального устройства государства», подчас в литературе обозначаемом через использование конструкции «государственное устройство» или «политико-территориальное устройство»[1]. В свою очередь, цель, которая ставится исследователями при ис-

[1] Например, см.: *Грачев Н.И.* Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М., Волгоград, 2009. С. 103-104; *Иванов В.В.* Теория государства. М., 2010. С. 131; *Касаткина Н.А.* Формы государственного устройства современности: теоретико-правовое исследование: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2015. С. 16; Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2011. С. 396; *Лексин И.В.* Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 476-486; *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М., 2008. С. 306.

Между тем, хотелось бы отметить, что, по-видимому, употребление конструкции «форма государственного устройства» применительно к анализу территориальной стороны формы государства восходит к дискурсу советских юристов, когда-то находившемуся под мощнейшим давлением официального юридического языка властей, который проявлялся, прежде всего, в актах конституционного свойства. Так, в частности по интересующему нас вопросу использование концепта «государственное устройство» с привязкой к проблемам пространственной организации государственной власти можно обнаружить во Второй главе Конституции СССР 1936 г. (причем авторами Конституции

СССР 1977 г. этот концепт в Восьмой главе последней «дополняется» национальной составляющей и находит свое выражение в структуре «национально-государственное устройство»).

В связи с этим не очень удачным, как представляется, терминологическим выбором, исследователям довольно часто по поводу использования термина «государственное устройство» приходится делать оговорку, суть которой сводится к тому, что за данной категорией следует удерживать в сознании словоупотребление с двумя трактовками: широкой и узкой. Так, в широком понимании «государственное устройство» предстает в качестве синонима понятия «государственный строй», которое выступает как обобщающее определение сущности, содержания и формы государства и отражает всю совокупность общественно-политических отношений, выражающих наиболее принципиальные свойства, взаимосвязи и взаимодействия в механизме организации и функционирования государства. Что, в общем, имеет место быть в силу синонимичности и семантического совпадения непосредственно слов «строй» и «устройство» в русском языке. В узком же смысле содержанием категории «государственное устройство» выступает один из элементов формы государства, в котором отражается территориальная организация государства и государственной власти (как основного признака государства), а также определяется характер отношений государства в целом с его составными территориальными образованиями (Например, см.: *Грачев Н.И.* Указ. соч. С. 113-114; *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 133).

В свою очередь, мы далее будем использовать термин «территориальное устройство государства», во-первых, во избежание какой-либо путаницы, а, во-вторых, подобный термин, как представляется, наиболее успешно служит цели схватывания и отражения ключевой проблемы в измышлении форм государства – организации, рассредоточения и функционирования государственной власти в территориальной, пространственной перспективе, устроения публичного властвования суверенного характера в системе координат «центр – регионы». Причем данная позиция не является разрывом с, казалось бы, устоявшейся с 30-х гг. XX в. конвенцией и традицией в вопросе словоупотребления, так как, во-первых, говорить об однозначном преобладании такой позиции в современной российской теоретической литературе все же не приходится, а, во-вторых, выбранная языковая конструкция вполне соотносится, например, с современным дискурсом и словоупотреблением в среде авторов, представляющих так называемую Петербургскую школу права (Например, см.: *Антонов М.В.* Теория государства и права. М., 2017. С. 155; *Голубева Л.А., Черноков А.Э.* Сравнительное государствоведение. СПб., 2009. С. 252;

пользовании данного теоретического инструмента, – обоснованным, объективным, формальным и верифицируемым способом получить «характеристику государственного строя, определяющую политико-правовой статус государства и образующих его территорий», аналитическим образом отразить систему их взаимоотношений, раскрыть «территориальную структуру государственной власти»[1]. При этом с утверждением в рамках теории еще в середине XX в. двухкомпонентной структуры концепта «форма государства» (включающего аспекты формы правления и формы территориального устройства) в юридической литературе в качестве непосредственных форм территориального устройства государства сразу же стали рассматриваться два диаметрально противоположных типа данного устройства, по сути, выступающие двумя «идеальными типами» организации государственной власти в пространственном отношении, а именно – унитарный и федеративный (союзный) типы.

В свою очередь, унитарное государство чаще всего в довольно беспроблемном ключе измышляется как государство, состоящие исключительно из административно-территориальных единиц, то есть таких территориальных образований[2], которые не обладают какой-либо политически значимой само-

---

Честнов И. Л. Теория государства и права: в 2 ч. Ч. 1. Теория государства. СПб., 2016. С. 56).

[1] См.: *Арановский К.В.* Курс лекций по государственному праву зарубежных стран. Сравнительное государствоведение. Владивосток, 1996. С. 167.

[2] О территориальных единицах государства и их аналитическим образом выделяемых типах как о принципиально важных элементах в деле измышления форм территориального устройства см.: *Иванов В.В.* Указ. соч. С. 138-142, 156; *Лексин И.В.* Понятие территориального образования в конституционном праве // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. 49. С. 138-162. Здесь хотелось бы лишь дополнительно указать, что важность соответствующих интеллектуальных операций и операций в виде разрабатываемых определений и классификаций проявляется не только в области теоретического государствоведения, но и на и практике. Так, указанная важность в сфере практики обусловливается, в первую очередь, тем, что получаемые учеными-

стоятельностью, отличают следующие черты: 1) универсальная суверенность страны, т.е. государство полностью представляет себя как единое, целое и независимое образование, относя к своей исключительной сфере вопросы проведения внутренней и внешней политики, не нуждающейся в согласовании с административно-территориальными единицами; 2) пространственное верховенство государства, которое обладает абсолютной полнотой власти на всей территории, обеспечивая ее целостность и неприкосновенность, неотъемлемость и неделимость; 3) общие для всей страны высшие органы власти, определяющие порядок образования, существование, границы и полномочия административно-территориальных единиц; 4) единая конституция и правовая система; 5) единое гражданство[1].

теоретиками «идеальные типы» форм государства, которые нельзя, как представляется, мыслить вне связи с типами территориальных образований государства, природа которых может раскрываться юристами через анализ правового статуса соответствующих публично-правовых образований, повсеместно применяются в качестве концептуальных средств (и не только юристами) в рамках практической работы с конкретными нормативными текстами и практиками, например, как в случае правоприменительной деятельности, так и в случае разрешения проблем правовой политики. В самом деле, как можно, скажем, при возникновении ситуации необходимости интерпретации принципов федерализма в рамках конституционного судопроизводства разрешить споры в интерпретации, не прибегая к доктринальным концепциям, суждениям, наработкам (ведь Конституций, содержащих, например, определение федерации и федерализма не существует), которые в этом случае даже могут рассматриваться в качестве нормативных текстов «нулевого уровня»? Последнее обстоятельство, конечно, порождает еще одну проблему, до сих пор не выступавшую предметом специальных исследований в области теории права и приобретающую особую значимость, если к указанному выше добавить мысль Дж. Серля о том, что любой социальный институт – это прежде всего система конститутивных норм[2], то есть норм-правил, конституирующих социальную реальность как реальность межличностных взаимодействий (См.: *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. N.Y., 1969. P. 51).

[1] *Голубева Л.А., Черноков А.Э.* Указ. соч. С. 254.

Федеративное же государство полагается как «союзное государство, состоящее из <…> государственных образований, обладающих определенной степенью самостоятельности в тех или иных сферах общественной жизни»[1 2]. При этом данный тип территориального устройства предполагает наличие специфической модели конституционной организации, которая, по сути, устанавливает качественно отличную от унитарного типа систему государственного бытия и которая, что отмечается, например, виднейшим теоретиком федерализма У. Райкером, предполагает наличие следующих ключевых моментов: 1) два уровня правления осуществляют свою власть в отношении одной и той же территории и одного и того же населения; 2) каждый уровень имеет, по крайней мере, одну сферу, в которой он является автономным; 3) имеются определенные гарантии (хотя бы в форме простого декларирования

---

[1] *Гаджиев К.С.* Политическая наука. М., 1994. С. 129.

[2] Данное определение неслучайно приведено нами из пособия по политологии, которое, как любое другое разработанное экспертами учебное пособие, во-первых, способствует воспроизводству господствующей научной парадигмы, в чем мы полностью согласны с позицией Т. Куна (см.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 17-18, 28, 182, 190, 217, 231, 244), во-вторых, может выступать, как мы отметили выше, в качестве нормативного материала, аналогично нормативному материалу словарей, разработанному специалистами-экспертами, знатоками соответствующего пространства окружающего мира, а, в-третьих, несмотря на кажущуюся стену между политической наукой и юриспруденцией, с высокой долей вероятности (это надо дополнительно изучать) является источником с терминологией институциональной политической теории и вполне в этом качестве может вырастать, как и вся совокупность знания последней, из юридических текстов, дискурсов и нарративов конца XIX-XX вв. (О значении правового знания для зарождающейся политической науки, например, см. текст Дж. Берджесса, одного из отцов-основателей политологии как самостоятельной университетской дисциплины, да еще со своим «домом» в виде Школы политических наук при Колумбийском колледже Нью-Йорка: *Burgess J.W.* The Study of Political Sciences in Columbia College // The International Review. 1882. Vol. XII. P. 348.

в конституции) автономности каждого уровня правления в своей собственной сфере[1].

Однако подобное конвенционально поддерживаемое в научной среде и, на первый взгляд, беспроблемное, где-то даже хрестоматийное биполярное деление государств, справедливости ради стоит отметить и заострить на этом внимание, все же вызывало и продолжает вызывать критическую реакцию в научном сообществе. Это особенно заметно в последние десятилетия, когда в условиях процессов глокализации, актуализации вопросов децентрализации государственной власти и даже в целом критики государственной модели общежития как таковой многие реальные практики государственного строительства, анализируемые в системе координат «центр – регионы», все чаще вписываются в рамки теоретических стереотипов вековой давности «со скрипом», «с натяжками», с большой степенью условности и возрастающим числом случаев, когда приходится говорить об исключениях, особенных случаях, когда все больше обнаруживается таких форм государства, которые можно было бы обозначить как «гибридные», «неклассические».

В первую очередь, речь идет о тех случаях, когда в исследуемых структурах конституционно-правовой организации публичного властвования суверенного типа могут быть выявлены территориальные образования, подпадающие под признаки политических (законодательных) территориальных автономий в ситуации, когда прямого указания в соответствующих конституционных текстах на федеративный режим отношений центра и регионов нет. Примеров таких стран сегодня достаточно, к ним смело можно отнести такие государственные модели, как модели Азербайджана, Великобритании, Дании, Испании, Италии, Молдовы, Узбекистана, Филиппин, Финляндии, Шри-Ланки, ЮАР. Что же особенного в подобных государствах, государствах, которых на сей день набирается уже довольно значительное число, и что не да-

[1] См.: *Riker W.H.* Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston, Toronto, 1964. P. 11.

ет продолжать «по старинке» их индексировать в качестве единичных исключений?

Ответом на данный вопрос служит тот факт, что подобного рода государства, конечно же, нельзя рассматривать в качестве унитарных государств, ибо на практике в них наличествуют такие механизмы организации государственной власти, которые нельзя назвать свойственными «идеальному типу» унитарной модели, восходящей в своей родословной к т.н. модели государства наполеоновского типа[1]. Так, существенным отличием от унитарной системы является, конечно же, наличие в рамках этих «нестандартных» государственных (нормативно-практических) систем таких территориальных единиц, которые в отличие от лишенных права законодательствовать административно-территориальных образований унитарного государства обладают определенной степенью политической самостоятельности, выражающейся, в первую очередь, именно в этом праве, и которые выстраивают свои отношения (отнюдь не «линейного», как в унитарных державах, свойства) с центральной властью особым, специфичным образом, как правило, на основании специальных законов (статутов), регулирующих политико-правовой статус соответствующих автономий, при сохранении за центром права контролировать (вплоть до односторонней, «силовой» коррекции и даже редукции или полной ликвидации) использование предоставленных им же правовых возможностей, некогда запрошенных конкретными регионами, согласованных в рамках центр-регионального переговорного процесса и закрепленных с дозволения центра в нормативных текстах, причем конституционного уровня.

Однако эти же государства нельзя рассматривать и в качестве государств федеративного типа, в которых a priori предполагается принципиально установленная Конституцией модель параллельного сосуществования двух уровней единой государственной власти и разгр~~аничения между этими~~ же уровнями полномочий, что выражается в

[1] Хотя мы полагаем, что первой практической попыткой создания и реализации (пусть довольно краткой по времени) режима унитарного типа в Новое время можно считать опыт Англии после принятия в 1653 г. «Орудия управления».

уровнями полномочий, что выражается в «расщеплении» законодательного пространства как минимум на две плоскости, за которыми стоят однозначно определяемые как в конституционных текстах, так и в актах их интерпретации правоприменителем предметы ведения центра и регионов. Вдобавок конституционные тексты предусматривают (пусть даже минимальные) гарантии сохранения начального состояния государственного проекта, невозможность или в крайнем случае не самый простой порядок односторонних действий центральной власти по отношению к властям региона, действий, направленных на ограничение, умаление, пересмотр или же ликвидацию пространства правовым образом закрепленных за территориальными образованиями-субъектами федераций возможностей действовать в пределах предмета исключительного ведения.

Таким образом, если говорить об уникальных чертах, присущих государствам, чьи Конституции не содержат ни одного упоминания о федерации, федерализме, союзном статусе государства, но вместе с тем в составе территориальных образований которых могут быть обнаружены политически (законодательно) автономные территориальные единицы, то мы, обобщая современный опыт, включая опыт указанных выше стран, можем выделить следующие моменты [1]: 1) право автономий издавать собственные законы (именно законы!), согласующиеся с общенациональными законами, однако лишь по тем вопросам, которые конвенциональным образом (в результате переговоров и оформленных между центром и регионами договоров) и на основании Конституции (в соответствии с утвержденными принципами ведения переговоров и получения автономного статуса) предоставляются данным образованиям при ведущей и контролирующей роли центральной власти; 2) разработка центром или регионами статутов об автономии и обязательное утверждение данных статутов, как правило, на уровне общенациональных парламентов или

[1] Причем данные признаки обнаруживаются при самом общем формальном анализе нормативного материла конституционного характера.

парламентов или правительств; 3) создание местных систем органов власти (в т.ч. законодательной, исполнительной и даже судебной ветвей власти), формируемых регионами самостоятельно, однако при сохранении контрольных или надзорных полномочий за центральной властью; 4) довольно частая организация в общенациональном правительстве позиции должностного лица, ответственного за положение дел в отдельно взятой автономии; 5) создание института административных «опекунов», контролеров или представителей центральной власти на местах; 6) учет мнения автономий при изменении законодательства, затрагивающего их статус; 7) получение статуса политической автономии территориями, как правило, обусловливается четко выраженной и гомогенной политической и/или национально-культурной идентичностью местного населения, стремящегося к усилению своего положения и как можно большей самостоятельности в отношениях с центром.

Безусловно, указанное положение вещей, а также в целом процессы по децентрализации государственного властвования в современном мире и связанное с ними повсеместное возникновение «гибридных», отличных от «идеальных типов» унитарного и федеративного государств не могло остаться незамеченным в научной среде, что нашло и продолжает находить свое отражение в попытках как зарубежных, так и отечественных исследователей выделения «новых» типов территориального устройства[1]. Доходит до того, что

[1] Так, например, К. Шелтер, анализируя проблемы регионализма в Европе, делит государства на четыре типа: федеративные государства; регионализировные; децентрализованные государства; унитарные государства (См.: *Столяров М.В.* Теория и практика федерализма. Курс лекций о федеративном государстве. М., 2008. С. 387). В свою очередь, иной подход предлагает, скажем, отечественный государствовед В.Е. Чиркин, который вводит в научный оборот категорию «региональное государство», понимая под последним новую форму «государственно-территориального устройства, при которой вся территория государства (а не отдельные его части) состоит из политических автономных образований» (См.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право. М., 2013. С. 180). Наконец, часто упоминаемый нами В.В. Иванов, осмысляя современные практики в области государственного устройства, вообще предлагает делить государства лишь на унитарные

в литературе можно найти смелые заявления о классическом противопоставлении «унитарное государство – федеративное государство» как о мешающем теоретической работе прокрустовом ложе[1].

Вместе с тем представляется, что все же не стоит отказываться от деления государств на унитарные и федеративные, но при этом следует задуматься о неизбежном учете в качестве отдельного типа государств государства с включением автономных (обладающих определенным, законодательно закрепленным уровнем политической самостоятельности) образований. При этом количество автономных образований в устройстве государства не столько важно, сколько важен сам факт существования данных территориальных единиц, предполагающий наличие специфических отношений между автономными (региональными) и центральной (общенациональной) властями, никоим образом не вписывающихся в традиционные «идеальные» модели федеративного и унитарного типов государственности, модель конституционно задаваемого принципиального условия законодательного дуализма как стартового условия государственного проекта и модель «законодательной монополии» центра соответственно. Что, в конечном счете, и определяет неповторимые «дух и плоть» такого рода государств, их уникальную природу, могущую быть осмысленной через выявление специфических нормативных принципов и институтов диалога центра с регионами.

Таким образом, возможность выделения на основании анализа конституционно-правовых текстов и практик центр-региональных отношений с перечисленными выше признаками, никоим образом не вписывающихся в «стандарты» федеративного и унитарного типов государственности, заставляет задуматься о возможности фиксации и определения особого типа территориального устройства государств, уникальность которого проявляется в

(простые) и региональные (сложные, сложносоставные, сложноустроенные), причем последние представляют собой государства, «состоящие целиком или в основном из автономных или государственных образований» (*Иванов В.В.* Указ. соч. С. 156).

[1] Например, см.: Там же. С. 154.

наличии специфических (отчасти квазифедеративных и явно не унитарных) политико-правовых механизмов организации государственной власти, в особом диалоге центра с регионами, т.е. третьего типа территориального устройства государств, в рамках которых находится место образованию(ям) с определенной степенью политической (законодательной) самостоятельности (отличной как в содержательном, так и формально-правом плане от самостоятельности государствоподобных образований федераций), т.е. типа автономизированных государств. Отсюда, можно заключить, что современные государства по форме территориального устройства можно подразделить на три уникальных по своей природе типа: унитарный, федеративный, а также тип, при котором организация государственной власти в территориальной плоскости обременяется наличием уже хотя бы одной политической (законодательной) автономии, т.е. автономизированный тип.

Однако, выделив особую форму территориального устройства государства, необходимо отдельно все же отметить, что такой результат в содержательном смысле будет мало чем отличаться от многих работ современных исследователей, так или иначе работающих в проблемном поле института форм территориального устройства государства и предлагающих самые разные списки этих самых форм[1]. Классификационные предложения будут тогда (и только тогда) успешными, открытыми для верификации, претендующими на статус обоснованных и работающих, когда исследователем будут раскрыты основания предлагаемой классификации, критерии выделения типов, форм. И в этом месте, увы, перед нами вновь возникает, как представляется, еще одна не разрешенная до сих пор проблема теории государства: на каком основании с конца XIX – начала XX вв. выделяются две, казалось бы, азбучные формы территориального устройства государства, а вместе с ними и все остальные, представленные в работах авторов, полагающих, что форм куда больше, чем две? В самом деле,

[1] В целях ознакомления с довольно пестрой картиной в этой области см.: *Касаткина Н.А.* Указ. соч. С. 37-71.

насколько в теоретической литературе выдерживается такой подход к формам территориального устройства государства, когда автор в лучших научных традициях предлагал бы сначала основание для классификации/типологизации, а затем методично проводил бы интерпретацию и сопоставление релевантных конституционно-правовых текстов и практик в свете предложенного (причем аргументированно предложенного) критерия/набора критериев? Вопросы эти – вопросы не ради вопроса, как может показаться на первый взгляд, их серьезность и методологическое значение раскроются, если, во-первых, все же окинуть критическим взором исследовательские разработки за последние лет сто в попытках найти такого рода критерии, во-вторых, вернуться к ситуации начала XX в., когда этот вопрос должен был быть сформулирован и начать обсуждаться (вместо это мы получили беспроблемную ситуацию хрестоматийной дихотомии, которую толком никто не проверял, стремясь подвергнуть методологической критике критерии противопоставления форм), в-третьих, внимательно присмотреться к современным исследовательским, экспертным текстам, в которых достаточно скрупулезно разрешаются частные вопросы и фактически отсутствуют глобальные теоретические обощения. После этого будет достаточно сложно не согласиться с позицией Д.В. Замышляева, недвусмысленно указывающего на то, что «довольно сложной проблемой в рамках классификации моделей политико-территориального устройства государства является установление четкого критерия деления – параметров, которые однозначно бы проводили грань между различными типами территориального устройства <…>. При сравнительном анализе <…> политико-территориального государственного устройства у ряда авторов зачастую не прослеживается четкого критерия их разграничения». При этом «как правило, признание того или иного государства федеративным или унитарным происходит по формальному признаку – провозглашению себя таковым в конституции (например, ч. 1 ст. 20 Основного Закона ФРГ; ст. 1 Конституции Бельгии) или интуитивно,

следуя сформировавшемуся в науке мнению, без указания конкретных черт, свидетельствующих о принадлежности к той или иной модели»[1]. И тут следует поставить еще один фундаментальный вопрос: не свидетельствует ли проблема, которая обнаруживается даже в рамках самого скромного анализа имеющейся литературы, проблема так до сих пор не найденного и не отрефлексированного основания для выделения форм территориального устройства государств (хотя бы даже «классических» двух), о наличии куда большего теоретического вызова – о недостатке философско-методологических исследований критического характера в области теории государства как таковой? И это тогда, когда в целом сегодня складываются предпосылки изучения государства и отдельных его сторон с позиции методов постклассической юриспруденции[2]. Что же в таком случае нам как исследователям делать в постклассике, требующей не только предельного внимания к используемым методам, языку, способам измышления социального, если мы все еще не закрыли «гештальты» и «белые пятна» классики!?

В свою очередь, резюмируя и преследуя цель, дабы у читателя не сложилось впечатление, что предложенные автором выше формы территориального устройства государств были выделены безосновательно, все же отметим, что в данном разделении мы руководствуемся довольно простым критерием – оценкой политической (законодательной) децентрализации[3]. Именно факты ее наличия или отсутствия, ее проявления,

---

[1] *Замышляев Д.В.* Формы политико-территориальной организации государства // Lex Russica. 2005. Т. LXIV. № 1. С. 198-199.

[2] Например, см.: *Честнов И. Л.* Актуальные проблемы теории государства и права: в 2 ч. Ч. 1. Актуальные проблемы теории государства. СПб., 2019. С. 6-18.

[3] Выбор децентрализации в качестве предмета внимания в ситуации определения форм территориального устройства государства не должен рассматриваться как нечто новое, нет. Скорее, мы хотели бы довести до логического завершения уже имеющуюся традицию привязки концепта «формы территориального устройства государства» к феномену децентрализации власти (Например, см.: *Медушевский А.Н.* Сравнительное

виды, нормативные принципы, практики организации и реализации в системе координат «центр – регионы» вполне себе могут с успехом фиксироваться исследователем (юристом – в работе с нормативными текстами и практиками), что как раз и открывает путь к обоснованному выделению и постулированию идеи о трех уникальных формах территориального устройства государства.

Стоит понимать, что определение качественных отличий между различными формами территориального устройства государств следует искать, прежде всего, в том, каким образом проводится децентрализация государственной власти в политическом ключе, т.е. в особенностях соотношения между собой общенациональной власти и власти «на местах» в контексте оценки 1) их правовых возможностей и взаимообусловленности в сфере законодательства; 2) наличия и характеристик «зон» законодательной самостоятельности территориальных образований; 3) свойств законодательного пространства в целом. При этом «следы» конкретных типов данного соотношения (которых, как видов территориальных образований государства и его форм территориального устройств, можно выделить всего три) искать следует в Основных законах и конституционно-правовых практиках тех или иных государств. Так, политическая децентрализация (ее наличие как таковое), ее уровень и особенности могут устанавливаться в том, каким объемом политически значимой самостоятельности обладают территориальные образования государства как в общем, так и в отдельности. Причем в качестве одного из критериев, который позволил бы оценивать данный уровень, уровень политического обособления территориальных единиц, мог бы выступать, например, показатель нормативной (и больше – законодательной) самостоятельности локальных единиц, отражающийся 1) в формально определяемых возможностях данных образований

конституционное право и политические институты: Курс лекций. М., 2002. С. 294; Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004. С. 618).

законодательствовать по определенным предметам, 2) в предусмотренных конституционно-правовыми текстами способах закрепления и реализации таких возможностей, 3) в аналитически выделяемых механизмах коммуникации в системе «центр-регионы».

Отсюда, при исследовании территориальной организации того или иного государства и попытке его отнесения к какому-либо типу подобной организации следует исходить из необходимости комплексного изучения:

- особенностей юридического закрепления статуса центра и регионов в их связи друг с другом (учитывать, обобщать и типологизировать права, обязанности, гарантии);
- преследуемого и имеющегося уровня политически значимой самостоятельности территориальных образований государства, задаваемого нормативной базой в виде текстов и практик;
- отбираемых и реализуемых механизмов организации диалога между центральной и местной властями, проявляющихся в наличии (или же отсутствии) вертикально выстроенной «системы сдержек и противовесов», ее характере, наконец, в свойствах законодательного пространства того или иного государственного правопорядка.

Именно так мы попытались поступить выше перед тем, как сформулировать наиболее общие признаки автономизированных государств, попутно обозначая ряд иных теоретических проблем, подчас остающихся вне фокуса внимания исследователей, доверчиво принимающих на веру, казалось бы, беспроблемное или даже безупречное наследие классики, в частности плоды некогда осуществленных актов номинации и классификации.

Список литературы

1. *Антонов М.В.* Теория государства и права. М., 2017.
2. *Арановский К.В.* Курс лекций по государственному праву зарубежных стран. Сравнительное государствоведение. Владивосток, 1996.
3. *Гаджиев К.С.* Политическая наука. М., 1994.
4. *Голубева Л.А., Черноков А.Э.* Сравнительное государствоведение. СПб., 2009.

5. *Грачев Н.И.* Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М., Волгоград, 2009.
6. *Замышляев Д.В.* Формы политико-территориальной организации государства // Lex Russica. 2005. Т. LXIV. № 1. С. 195-203.
7. *Иванов В.В.* Теория государства. М., 2010.
8. *Касаткина Н.А.* Формы государственного устройства современности: теоретико-правовое исследование: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2015.
9. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2011.
10. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
11. *Лексин И.В.* Понятие территориального образования в конституционном праве // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. 49. С. 138-162.
12. *Лексин И.В.* Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 476-486.
13. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М., 2008.
14. *Медушевский А.Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты: Курс лекций. М., 2002.
15. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004.
16. *Столяров М.В.* Теория и практика федерализма. Курс лекций о федеративном государстве. М., 2008.
17. *Честнов И. Л.* Актуальные проблемы теории государства и права: в 2 ч. Ч. 1. Актуальные проблемы теории государства. СПб., 2019.
18. *Честнов И. Л.* Теория государства и права: в 2 ч. Ч. 1. Теория государства. СПб., 2016.
19. *Чиркин В.Е.* Конституционное право. М., 2013.
20. *Burgess J.W.* The Study of Political Sciences in Columbia College // The International Review. 1882. Vol. XII. pp. 346-351.
21. *Riker W.H.* Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston, Toronto, 1964.
22. *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. N.Y., 1969.

И.В. Тутаев

Новогодний праздник как основание привлечения к ответственности по Уложению китайской палаты внешних сношений[1]

К середине XVIII в. империя Цин[2] смогла покорить ряд монгольских ханств, установив над ними господство маньчжурской династии. Вместе с тем монголы не стали прямыми поданными Китая, а стали так называемыми «внешними вассалами» («вай фань») по отношению к империи. Несмотря на то, что китайское правительство воздерживалось от установления прямого контроля на территориях, занимаемых монголами, оно также осознавало необходимость установления регулирования правоотношений в отношении монгольских вассалов. Результатом работы по достижению вышеназванной цели стало издание в 1789 г. «Лифаньюань цзэли» (Уложение китайской палаты внешних сношений, далее – «Уложение»)[3].

Само Уложение было итогом достаточно длительного правотворческого процесса. Первоначально рассматриваемые правоотношения регулировались межгосударственными договорами и императорскими указами, однако впоследствии они были сведены в 1696 г. в «Цааджин Бичиг» (Уложение императора Канси). Однако с развитием общественных отношений китайский законодатель был вынужден расширить содержание Цааджин Бичиг, в результате чего в 1789 г. и было издано Уложение, которое при этом неоднократно редактировалось (1815, 1826 и 1832 гг.). Указанный правовой памятник является наиболее полным и актуальным документом, отражающим установленное империей Цин правовое регулирование для

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

[2] В рамках настоящей статьи понятия «Китай», «империя Цин» и «маньчжуры» следует считать равнозначными.

[3] В рамках настоящей статьи понятия «Лифаньюань» и «китайская палата внешних сношений» считаются равнозначными.

монголов.

В настоящий момент в распоряжении русскоязычных исследователей имеется два перевода Уложения: Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа)[1] и С.В. Липовцова[2]. Принимая во внимание заслуги о. Иакинфа как выдающегося отечественного востоковеда и синолога, представляется, что именно перевод С.В. Липовцова является актуальным ввиду того, что им была переведена редакция Уложения 1815 г., тогда как о. Иакинфом – редакция 1789 г. Дополнительно следует отметить, что оригинальный текст Уложения на маньчжурском языке представляет собой сплошной непронумерованный текст, и С.В. Липовцов провел работу по систематизации содержания документа. Соответственно, данный перевод также представляется удобным для тех, кто занимается историко-правовыми исследованиями.

Следует отметить, что Уложение почти не рассматривалось именно с правовой точки зрения. Ряд исследователей, среди которых С.Ж. Дугарова[3], П.Н. Дудин[4], В.А. Рязановский[5], изучали Уложение через призму права, однако их работы в целом носят обзорный характер. Таким образом, необходимость в фундаментально историко-правовом исследовании Уложения по-прежнему остается актуальной.

Уложение как нормативно-правовой акт представляет большой историко-правовой интерес, поскольку в нем нашло отражение регулирование самых разнообразных отраслей права: от административного до процессуального.

---

[1] *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. СПб., 1828. С. 203-339.

[2] Уложение Китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньчж. С.В. Липовцов. Т.1-2. СПб., 1828.

[3] *Дугарова С.Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII − начало XIX в.). Улан-Удэ, 2016.

[4] *Дудин П.Н.* Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII в. − начало XX в.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36.

[5] *Рязановский В.А.* Монгольское право: (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин, 1931.

Однако одной из наиболее тщательно разработанных в тексте отраслей является уголовное право, что в принципе характерно для китайского традиционного права. Значительное количество норм имеют настолько ярко выраженный уголовно-правовой характер, что С.В. Липовцов смог их свести в отдельный раздел – Уложение Уголовное (далее – «УУ»).

Анализируя уголовно-правовые нормы, содержащиеся в Уложении, можно обнаружить, что китайский законодатель установил для монгольских вассалов в качестве преступных деяний достаточно типичный для традиционного права перечень: убийство (напр. §1 отд. 1 гл. I УУ), умышленное причинение вреда (напр. §11 отд. 3 гл. I УУ), кража (напр. §32 отд. 1 гл. III УУ), прелюбодеяние (§75 гл. V УУ). Однако в тексте Уложения упомянуто правонарушение, которое без лишнего преувеличения можно назвать экзотичным. Речь идет о праздновании Нового года в нарушение установленных сроков. Ввиду неординарности вышеназванного нарушения и его специфического характера весьма сложно отнести его к конкретному виду преступлений. В этой связи возникает вопрос: какое место несвоевременное празднование Нового года занимает в системе преступлений, установленных китайским законодателем для монгольских вассалов? Ответ на этот вопрос является целью настоящей статьи.

Рассматриваемое правонарушение установлено исключительно в §158 гл. XVIII УУ, и норма сформулирована следующим образом: «Не начинать и не праздновать Нового года ни прежде, ни после назначенного для сего дня. Кто же нарушит сие, поступить с тем, как с преступником. Если бы нарушил сие кто из Монгольских Князей первых двух степеней; то, не смотря на то, управляет ли он дивизиею или не управляет, подвергать пене и взыскивать один девяток скотин. Если же учинят сие прочие Князья; то взять у каждого из них седьмеричное число скотин. Ежели сделают сие Тайцзи или Табунаны, то взыскать с каждого по одному пятку скотин; простолюдинов же наказывать отобранием по одной лошади. Весь таким образом доправленной скот отдавать доносчикам». Данная норма, в свою очередь, позволяет определить

состав правонарушения.

Субъектом преступления может быть неопределенный круг лиц. Следовательно, можно говорить о том, что сама норма носит универсальный характер. Примечательно, что она предусматривает дифференцированную меру ответственности в зависимости от социального статуса правонарушителя, что также свидетельствует о ее сословном характере.

В качестве субъективной стороны преступления, очевидно, следует рассматривать прямой умысел, поскольку празднование Нового года фактически невозможно осуществить по неосторожности или же при косвенном умысле.

Объективной стороной преступления, в свою очередь, являются действия, направленные на празднование Нового года. При этом указанные действия должны иметь место в те дни, когда сам праздник либо ещё не наступил, либо уже прошел. Однако объект преступления, будучи некоей ценностью, на которую посягает правонарушение, является наиболее трудноопределимой в рамках рассматриваемой нормы. Вместе с тем ответ на этот вопрос в совокупности с уже выявленными элементами состава правонарушения позволит окончательно определить, какое же место в системе преступлений занимает несвоевременное празднование Нового года. Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к специфике китайского традиционного права, существовавшего на момент утверждения маньчжурской династии в Китае.

Новый год, будучи Праздником весны, сам по себе является одним из наиболее важных праздников в Китае. Его значимость настолько велика, что история его празднования тянется с глубокой древности до современности[1]. Не менее важное значение этот праздник играет и в маньчжурскую эпоху. В Новый год император вел в храме императорских предков Тансэ

[1] История китайской цивилизации. Т. 2. Цинь, Хань, Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии (221 до н.э. – 581) / гл. ред. Чжан Чжуаньси; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. М., 2020. С. 527.

жертвоприношения, которые, в свою очередь, являлись одной из самых важных церемоний маньчжурской религиозной системы, носившей отпечаток древних шаманских традиций[1]. Таким образом, празднование Нового года, которое само по себе носило сакральный смысл, в эпоху маньчжуров лишь укрепляет свое значение, которое становится государственным.

О том, что Новый год имел существенное значение с государственной точки зрения, свидетельствуют и некоторые положения рассматриваемого Уложения. Анализ правового памятника демонстрирует, что в документе достаточно чётко установлен порядок, каким образом монгольские властители должны принимать участие в праздновании Нового года. Так, можно обнаружить нормы: устанавливающие порядок приезда ко Двору к празднику (напр. §301, 303, 304 отд. 1 гл. XIV Уложения Гражданского, далее – УГ), порядок выдачи подарков (напр. §347, 350 отд. 1 гл. XVI УГ), порядок соблюдения некоторых обрядов (напр. §451, 452 гл. XVIII УГ) и т.д.

Такое подробное регулирование, очевидно, свидетельствует о стремлении законодателя подчеркнуть важность праздника для монгольских вассалов. Более того, можно выдвинуть предположение, что законодатель, устанавливая нормы, связанные с Новым годом, и подкрепляя их установленными мерами ответственности, хотел продемонстрировать господство китайских институтов над монголами.

Все вышесказанное позволяет теперь прояснить ситуацию. Объектом рассматриваемого преступления является не столько Новый год как праздник, сколько некий государственный интерес, связанный с празднованием этого события. Указанное обстоятельство с учетом иных элементов состава правонарушения, которые были установлены выше, позволяют определить празднование Нового года не в установленный срок в качестве преступления против государственного порядка.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

[1] История китайской цивилизации. Т. 4. Конец правления династии Мин и династии Цин (1525–1911) / Гл. ред. Лоу Юйле; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. М., 2020. С. 316.

Уложение китайской палаты внешних сношений, является значимым правовым памятником, изданным в Империи Цин для монгольских вассалов и регулирующим самые разнообразные правоотношения, в т.ч. и уголовные. В системе преступлений, помимо перечня, характерного для традиционного права, можно встретить такое экзотичное преступление как празднование Нового года в нарушение установленных сроков. Анализ состава правонарушения, а также понимание специфики китайского традиционного права в маньчжурскую эпоху позволяют выявить место указанного правонарушения в системе преступлений и отнести его к государственным преступлениям. При этом исследование позволяет сделать предположение, что законодатель империи Цин всеми нормами, связанными с Новым годом, хотел продемонстрировать доминирование китайских институтов над вассалами, что и повлекло необходимость в таком регулировании.

Список литературы:

1. *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. СПб., 1828.
2. *Дугарова С.Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII − начало XIX в.). Улан-Удэ, 2016.
3. *Дудин П.Н.* Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII в. − начало XX в.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36.
4. История китайской цивилизации. Т. 2. Цинь, Хань, Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии (221 до н.э. – 581) / Гл. ред. Чжан Чжуаньси; пер. с кит. Под ред. И.Ф. Поповой. М., 2020.
5. История китайской цивилизации. Т. 4. Конец правления династии Мин и династии Цин (1525–1911) / Гл. ред. Лоу Юйле; пер. с кит. Под ред. И.Ф. Поповой. М., 2020.
6. *Рязановский В.А.* Монгольское право: (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин, 1931.
7. Уложение Китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньчж. С.В. Липовцов. Т.1-2. СПб., 1828.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамовская Мария Сергеевна – студентка НИУ ВШЭ – Москва, msabramovskaya@edu.hse.ru.

Белов Марк Антонович – студент НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, mabelov@edu.hse.ru.

Гужавина Александра Михайловна – студентка НИУ ВШЭ – Москва, amguzhavina@edu.hse.ru.

Двойников Артемий Игоревич – студент Саратовской государственной юридической академии, ya.dvoynikov@yandex.ru.

Закревский Александр Васильевич – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государств НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, azakrevskii@hse.ru.

Зобнин Василий Сергеевич – аспирант НИУ ВШЭ – Москва, zobnibvasilii@gmail.com.

Козлова Арина Валерьевна – студентка НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, avkozlova_7@edu.hse.ru.

Кузнецов Николай Андреевич – студент Санкт-Петербургского государственного университета, st039279@student.spbu.ru.

Лысова Мария Владиславовна – студентка БФУ им. И. Канта, masha-1407@mail.ru.

Матисон Святослав Сергеевич – студент БФУ им. И. Канта, s_matison@mail.ru.

Сабирова Раиля Раилевна – студентка Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, sabirova.railya@mail.ru.

Сковинская Евгения – студентка НИУ ВШЭ – Москва, evgeniaskovinskaya@gmail.com.

Смирнова Мария Владимировна – студентка Саратовской государственной юридической академии, smirnovamv1999@mail.ru.

Тутаев Илья Васильевич – преподаватель кафедры теории и истории права и государств НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, tutaevlawyer@yandex.ru.